ИСТОРИЯ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ

Валерий Ермоленко

ПЕРВОПРОХОДЦЫ ДАЛЬНИХ БЕРЕГОВ

Уроженцы Беларуси в географических открытиях

ИСТОРИЯ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ

Валерий Ермоленко

ПЕРВОПРОХОДЦЫ ДАЛЬНИХ БЕРЕГОВ

УРОЖЕНЦЫ БЕЛАРУСИ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЯХ

Минск
«Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі»
2015

УДК 087.5:910(092)
ББК 26.8г
Е74

Серия основана в 2012 году

Для среднего и старшего школьного возраста

Ермоленко, В.А.

Е74 Первопроходцы дальних берегов. Уроженцы Беларуси в географических открытиях : для сред. и ст. шк. возраста В.Ермоленко. — Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2015. — 64 с. : ил. — (История для школьников).

ISBN 978-985-11-0887-5.

Книга содержит сведения о выдающихся белорусских учёных: человеке необычайной судьбы, исследователе Африки А. Булатовиче, дипломате, путешественнике-натуралисте, учёном-языковеде И. Гошкевиче, геологе и географе мирового масштаба И. Домейко. Подготовленная на основании литературных источников и архивных материалов книга может быть использована преподавателями и студентами географических и исторических факультетов высших учебных заведений, учителями и учащимися средних школ для внеклассного чтения по истории и географии. Рекомендована для всех, кто интересуется историей географических открытий.

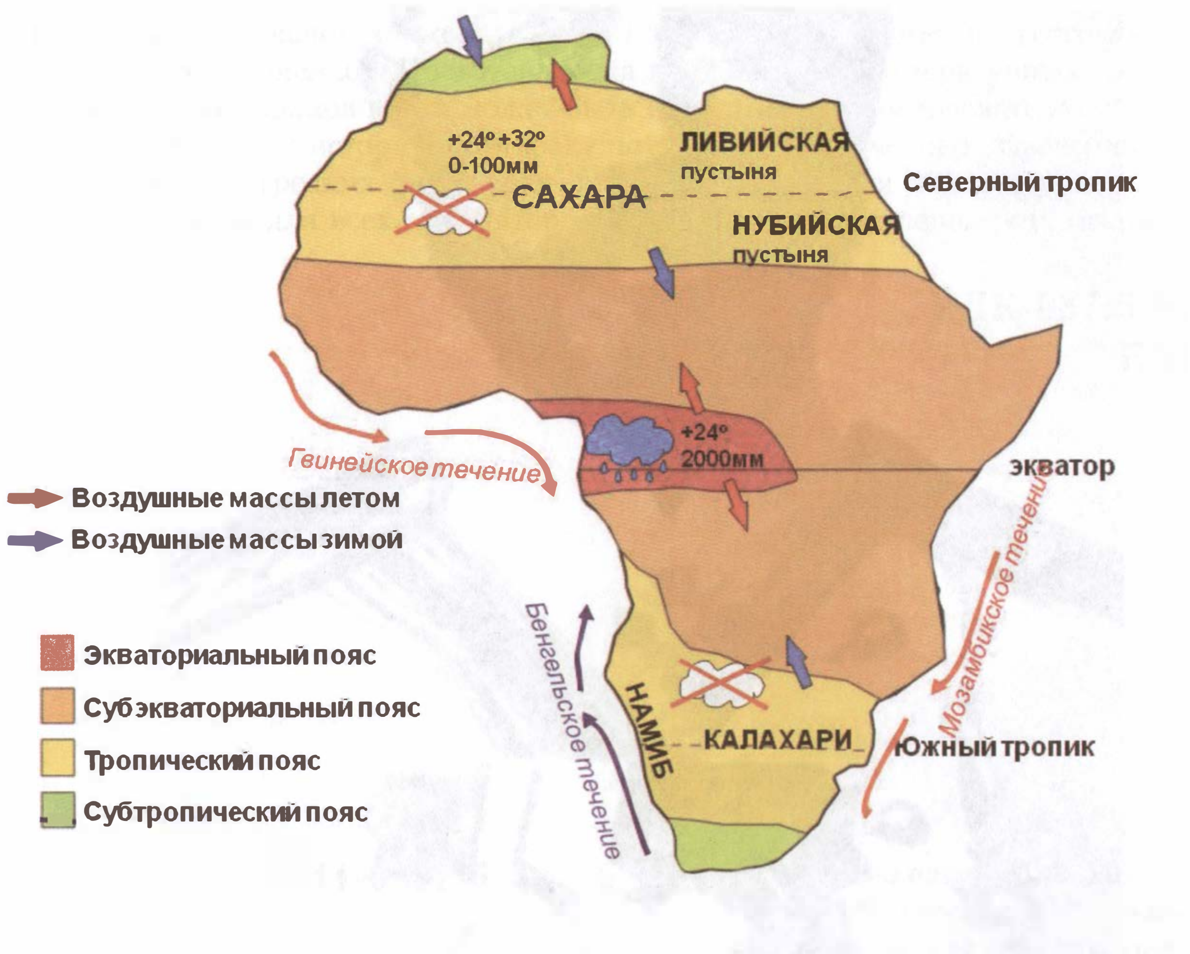
УДК 087.5:910(092)
ББК 26.8г

ISBN 978-985-11-0887-5

АЛЕКСАНДР БУЛАТОВИЧ

Африка среди других континентов занимает особое географическое положение: экватор пересекает её почти посередине и делит на две части, которые простираются к северу и югу до субтропических широт. Континент получает огромное количество солнечного тепла и температура воздуха высока круглый год. По размерам африканский континент уступает только Евразии, его площадь (с островами более 30 млн км^2) составляет пятую часть суши земного шара. В географическом отношении континент изучен ещё далеко не полностью, наиболее слабо исследованы глубинные районы бассейна реки Конго и пустыни Сахара. В Африке нет высоких и протяжённых горных цепей, подобных Кордильерам в Северной Америке, Андам в Южной Америке или Гималаям в Азии. Африку справедливо называют материком классических саванн и пустынь. Для первопроходцев Африка была довольно сложным материком, который изучали, главным образом, представители стран-колонизаторов и прежде всего Англии.

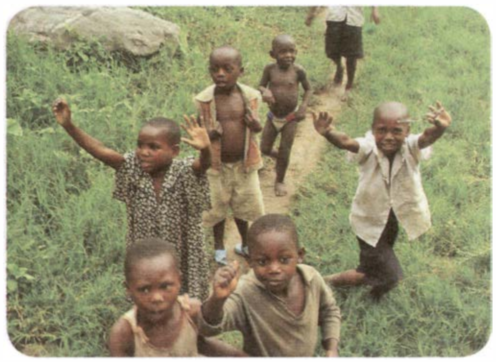
Так выглядит климатическая карта Африки.

Жители современной Африки.

Африканский пейзаж. Зебры на водопое.

Давид Ливингстон.

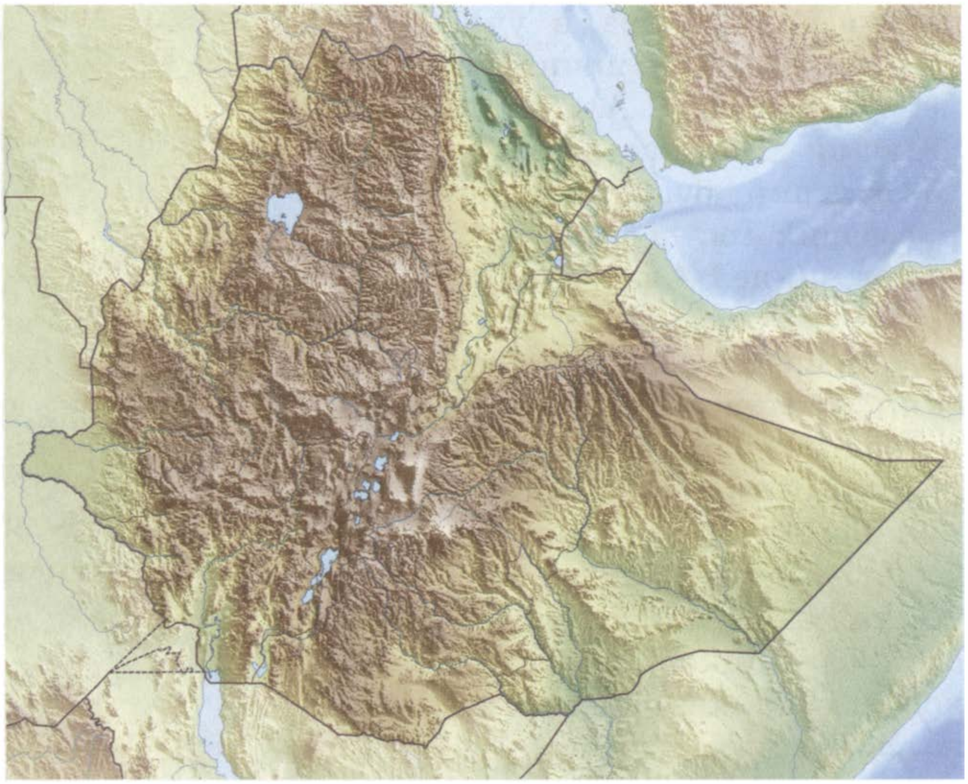
Самый знаменитый её исследователь – шотландец Давид Ливингстон (1813–1873) впервые поведал миру о величественном водопаде Виктория. Когда Ливингстон умер, то был погребён в Вестминстерском аббатстве Лондона – усыпальнице королей и выдающихся людей Англии. На Британских островах это считается высочайшим признанием заслуг своих соотечественников. Позже у водопада Виктория был поставлен бронзовый бюст Ливингстона, и когда английская королева впервые посетила это место, она сняла туфли и босиком подошла к памятнику, чтобы поклониться памяти своего легендарного соотечественника. Ливингстон, между тем, ещё при жизни авторитетно заявлял, что в Африке непроходимым является только Абиссинское нагорье, названное им «Африканским Тибетом». Он решительно отказывался проходить в Центральную Африку кратчайшим путём от верховьев Нила через Абиссинское нагорье, а предпочитал высаживаться на восточное побережье материка морем.

У Российской империи никогда не было в Африке каких-либо колониальных интересов, поэтому её посещали лишь немногие ботаники и зоологи для коллекционирования по заданию Петербургской академии наук образцов фауны и флоры. Были здесь и врачи, изучающие эпидемии чумы и холеры, их посылало Министерство внутренних дел (МВД) России по просьбе правительства Египта.

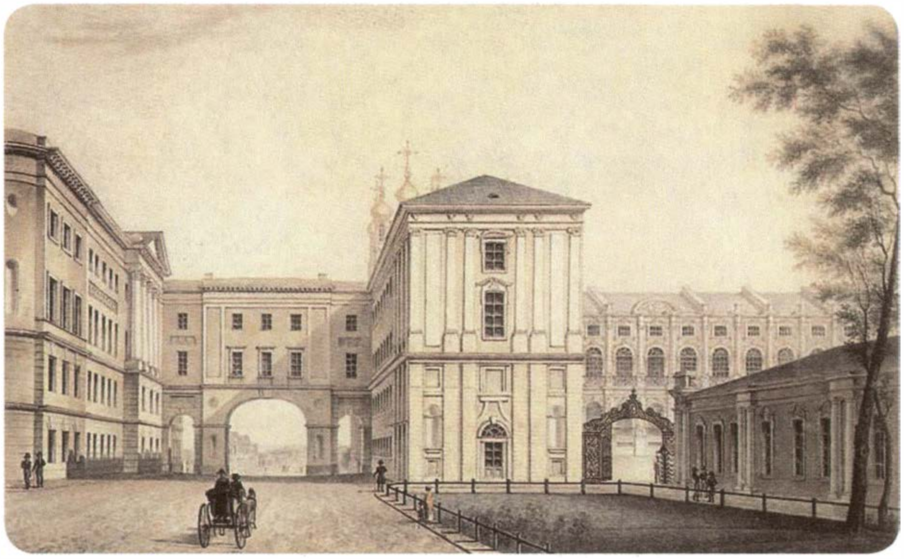
То, чего не смог сделать англичанин Ливингстон, сделал Александр Булатович – выходец из дворян Гродненской губернии. Он впервые изучил обширное Абиссинское нагорье, совершив 4 путешествия (1896–1911) в Абиссинию (современная Эфиопия), чем заслужил признание императора Менелика II и получил высшую награду Эфиопии – украшенный серебром золотой щит и золотую саблю.

Первый исследователь «Африканского Тибета» в Абиссинии, **Александр Ксаверьевич Булатович** (1870–1919) родился в Орле, где в то время стоял Дорогобужский полк, которым командовал его отец – генерал К.В. Булатович, выходец из потомственных дворян Гродненской губернии. Через три года отец умер. Жизнь без отца отразилась на формировании характера и мировоззре-

Абиссинское нагорье на фотоснимке и на карте.

Александровский лицей на рисунке середины 19 века.

ния Александра, которого отличали отвага, любовь к родине и глубокая религиозность.

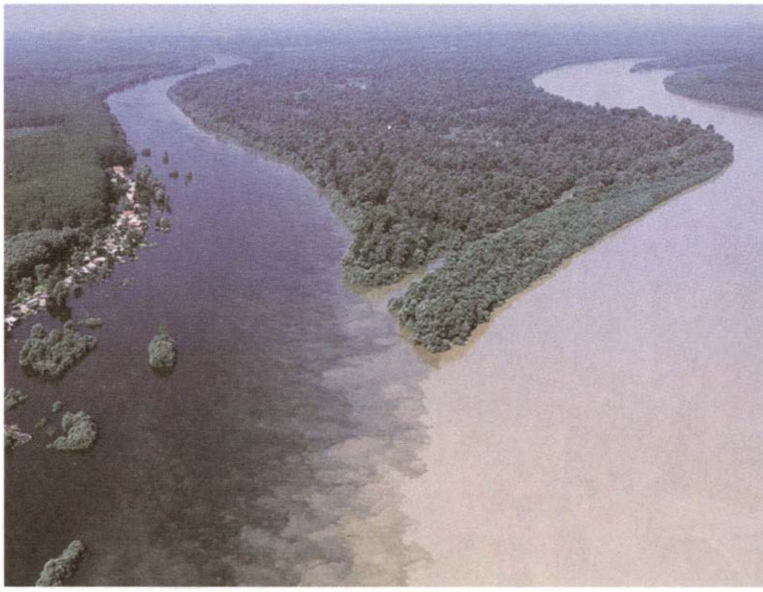
В 1884 г. вдова, Евгения Андреевна Булатович, с детьми (сын и две дочери) переехала из Гродно в Петербург – пришло время определить Александра в учебное заведение. Он был принят в привилегированный Александровский (бывший Царскосельский) лицей, готовивший будущих дипломатов и высших государственных чиновников. Лицей Александр закончил в 1891 г. в числе лучших учеников, в совершенстве овладев французским, английским и немецким языками и был определён на службу в лейб-гвардии гусарский полк в звании корнета (младший офицерский чин). А. Булатович довольно быстро стал одним из лучших в России фехтовальщиков, обрёл славу лихого наездника, брал первые призы на скачках в Царском Селе – для него не существовало лошади, которую он не смог бы укротить. Служба в полку преуспевающего офицера шла размеренно, но вскоре внешнеполитические события круто оборвали устоявшийся уклад его жизни...

К концу 19 в. был завершён колониальный раздел Африки между Англией, Францией, Германией, Бельгией, Испанией и Португалией. Независимость сохранила лишь Абиссиния (Эфиопия) и прилегающие к ней с юга и юго-запада почти неисследованные обла-

А. К. Булатович. Около 1892 года.

сти. Обделённой посчитала себя Италия, начавшая итало-абиссинскую войну, завершившуюся для неё позорным разгромом (1896). В руки эфиопского императора Менелика II попало много трофейного оружия, и он принял решение (упреждая Англию) восстановить древние рубежи страны на западе и юге – вплоть до правого берега Белого Нила (один из участков среднего течения реки Нил) и озера Виктория, подчинив себе всё Абиссинское нагорье (что отвечало бы природным и этническим условиям). И начал он с присоединения Каффы, примыкающей к Эфиопии с юго-запада.

Место слияния Белого и Голубого Нила.

Эфиопский император Менелик II (в центре) с приближёнными.

Император Менелик II в коронационной мантии на троне.

Борьба, которую вела Эфиопия за свою независимость, была поддержана Россией – русские считали эфиопов братьями по вере (Эфиопская православная церковь является одной из древнейших христианских церквей в мире) и их победу над Италией российская пресса встретила с ликованием. Этот регион являлся также потенциальным рынком сбыта для росийских товаров, а независимая и сильная Эфиопия ослабляла позиции Англии – давней соперницы России.

В эту страну в 1896 г. была направлена русская миссия Красного Креста, к которой был прикомандирован А.К. Булатович. Он основательно подготовился к длительному путешествию и даже изучал амхарский (эфиопский) язык.

Абиссинские военные вожди.

Русская миссия, прибыв в Египет, в апреле отплыла из Александрии по Красному морю в Джибути, и пока на берегу Аденского залива формировался караван, возникла необходимость выслать вперед в Харар (административный центр провинции на востоке Абиссинии) энергичное доверенное лицо. Выполнить это трудное и небезопасное поручение вызвался Булатович. От Джибути до Харара 350 вёрст (1 верста = 1066,8 м) по очень гористой, частью безводной пустыне. Захватив минимум продуктов и всего один мех воды, Булатович отправился в дорогу на почтовом верблюде в сопровождении двух проводников. Незнание местных условий, непривычный для европейца способ передвижения, резкая перемена климата – всё это давало поводы для сомнений в благополучном исходе путешествия. Ни один европеец не решался ехать по местности, где вдоль

Абиссинцы во время знаменитого сражения с итальянцами при Адуа 1 марта 1896 года. Менелик изображён верхом на белом коне. Узорчатый зонтик над головой Менелика — традиционный знак отличия императора.

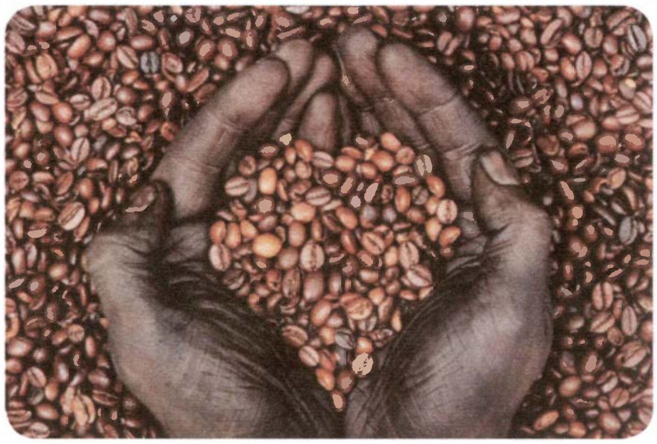

Менелик II на смотре войск.

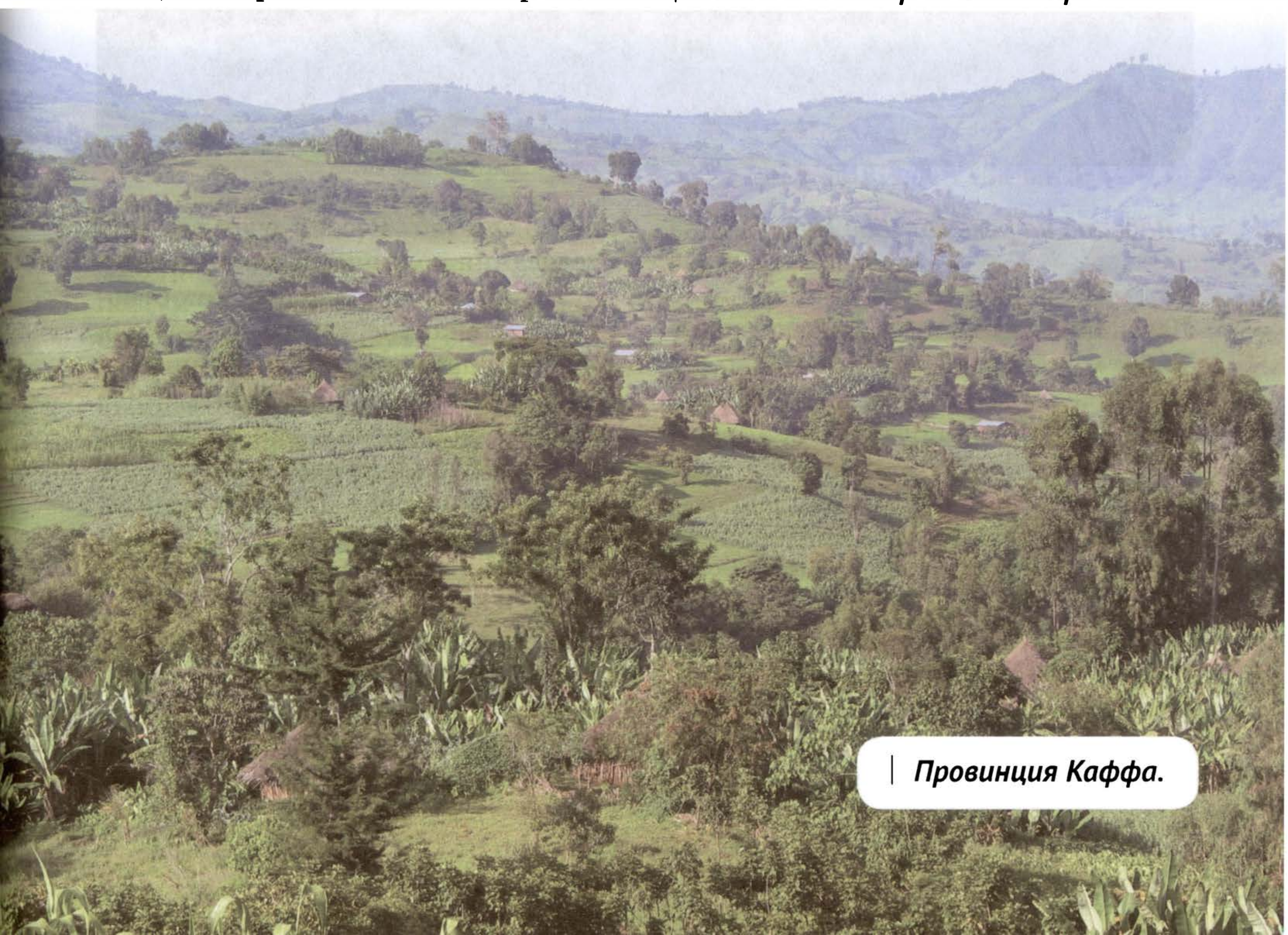
караванной дороги тянулся длинный ряд могил европейцев, погибших от рук кочевников. Никто из жителей Джибути не верил в успех предприятия. Однако этот путь Булатович преодолел, причём за 4 суток (на сутки быстрее местных профессиональных курьеров). На жителей Эфиопии этот «пробег» произвёл огромное впечатление. Булатович стал для них легендарным героем. Вскоре телеграф принял депешу из Петербурга – корнет Булатович произведён в поручики.

По прибытии миссии в Харар возникла необходимость отправить к Менелику II в Энтото своего посла, чтобы на месте выяснить обстановку. А это уже 700 вёрст через Данакильскую пустыню. Их Булатович прошёл за восемь дней! Менелик был поражён быстротой передвижения Булатовича по трудным дорогам его страны и сказал, что русский офицер подобен птице – для него как будто не существует труднодоступных гор, знойных пустынь и дальних расстояний.

...В конце 17 в. в самых богатых домах Европы стали пить удивительно ароматный напиток, возвращавший бодрость, снимавший сон и усталость. Это был кофе, который ценился тогда на вес золота. Его покупали у арабских купцов, и никто не подозревал, что название этим драгоценным зёрнам дала их родина – Каффа. И только в самом конце 18 в. до Европы дошли скудные вести о Каффе, как о стране, где по всей вероятности находятся истоки Голубого Нила (правый приток реки Нил). Этим и ограничивались все сведения о Каффе. Ни один европеец не проникал в этот район. Каффа до завоевания Эфиопией была надёжно защищена от путешественников не только горами и джунглями, но и своими законами, по которым ни один чужестранец

Знаменитый эфиопский кофе.

Провинция Каффа.

Водопад на реке Голубой Нил.

не мог переступить её границ. Легендарная страна «Африканский Тибет» отгородилась от внешнего мира и до самого конца 19 в. сюда не ступала нога европейца.

26 июля русский отряд прибыл в Аддис-Абебу. Булатович попросил отпуск, которым предполагал воспользоваться, чтобы обстоятельно познакомиться с Абиссинией и совершить путешествие в Каффу. После отбытия русской миссии в Россию Булатович остался в Абиссинии. Он жил в семье императора Менелика, быстро освоил речь эфиопов. Генштаб России счёл его исследования полезными для развития дальнейших русско-эфиопских отношений. Накануне своего отбытия в Каффу Булатович пишет в Генштаб в Петербург – благодарит за оказанное доверие. Он понимал, что из Каффы можно живым и не вернуться.

В конце октября 1896 г. экспедиция поручика А. Булатовича вышла из Энтото, резиденции Менелика II, в бассейн реки Баро. С первого же дня Булатович ведёт дневник: записывает всё, что ему удаётся узнать. Его интересуют язык и одежда, обычаи, государственное устройство Эфиопии и её географические особенности.

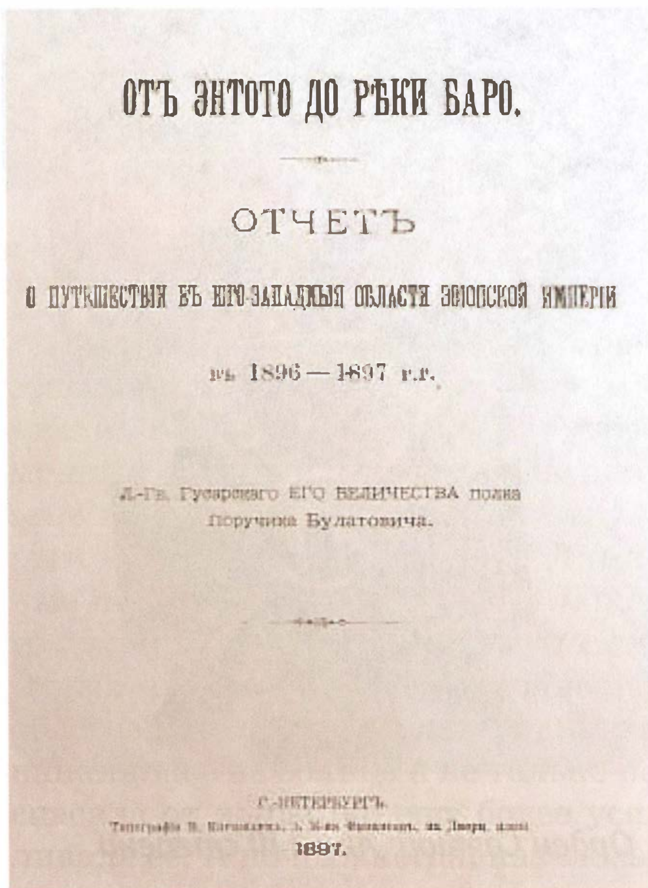
Дома на фоне Абиссинского нагорья.

Горы Каффы, холмы и возвышенности, поросшие лесом, были перерезаны глубокими ущельями, по которым несли свои воды сбегавшие с вершин Абиссинского нагорья прозрачные, как хрусталь, реки. Долины рек густо заросли кофейными деревьями.

Абиссинское нагорье занимает почти всю территорию Эфиопии; средняя высота 1800—2000 м, с вершиной Рас-Дашан (4620 м). Расчленено глубокими и узкими долинами с крутыми склонами на отдельные массивы – «амбы». До высоты 1800 м – жаркий пояс «колла» – светлые леса, выше до 2000—2300 м – умеренный пояс «война-дега» – сплошные заросли кустарников, в высокогорном и холодном поясе «дега» – горные луга.

Маршрут был пройден за 5 месяцев, и 21 апреля 1897 г. Булатович отплывает из Джибути в Европу на французском пароходе «Амазон». Менелик II дал прощальную аудиенцию и выразил надежду, что ещё увидит русского путешественника в Эфиопии, а в знак признания его смелости пожаловал ему боевой плащ из львиной шкуры и головную повязку с львиной гривой. Булатович покидает Африку

По материалам этого путешествия спустя 5 месяцев в Петербурге была издана книга А. Булатовича «От Энтото до реки Баро» – отчёт

ОТЪ ЭНТОТО ДО РѢКИ БАРО.

ОТЧЕТЪ

О ПУТЕШЕСТВІИ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНЫЯ ОБЛАСТИ ЭѲІОПСКОЙ ИМПЕРІИ

въ 1896—1897 г.г.

Л.-Гв. Гусарскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка
Поручика Булатовича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1897.

о путешествии в юго-западные районы Абиссинского нагорья (между 80° и 100° северной широты), где горные хребты образуют водоразделы притоков Голубого Нила, Собаты и Омо с глубокими и труднопроходимыми долинами сложнейшего рельефа. Булатович впервые нанёс на карту горы и водоёмы этого района, описал речную систему и указал истоки многих рек. Это был значительный вклад в исследование северо-востока Африки, первое в России и в мире подробное описание Каффы, которое и сегодня вызывает немалый интерес историков, географов, этнографов. А. Булатович был награждён орденом Святой Анны III степени. Он, конечно, мечтал ещё раз приехать сюда, снова встретиться с гостеприимным и радушным народом, с императором Менеликом II. Но тогда он ещё не знал, что его желание очень скоро осуществится.

Орден Святой Анны III степени.

К концу 1897 г. между Россией и Эфиопией были установлены дипломатические отношения. Из Петербурга в Аддис-Абебу выехала чрезвычайная миссия во главе с послом П.М. Власовым; конвой из казаков возглавил Булатович, это даже не обсуждалась. Булатович выехал раньше Власова и вскоре представился Менелику II.

Для обоих встреча была радостной. Императору Менелику нравился этот отчаянно храбрый умный русский офицер, который, казалось, не ведал, что такое страх, опасность, усталость и который бескорыстно старался помочь ему, императору, дельными советами. Среди европейцев Менелик не знал таких людей. Все они смотрели на Эфиопию как на место, где можно неплохо поживиться. А Булатович со своей стороны отлично понимал и горячо одобрял дальновидную и мудрую политику Менелика II, преисполненного решимости не только отстаивать свободу и независимость своей страны, но и вернуть Эфиопии былое величие, объединив разроз-

Вид на озеро Рудольф (ныне озеро Туркана).

ненные области крепкой централизованной властью.

Менелик II принял решение о присоединении к Эфиопии области, прилегающей с севера к озеру Рудольф (ныне это озеро на северной границе Кении с Эфиопией) и направил туда свои войска. Он выразил желание, чтобы Булатович, которого он называл «птицей», сопровождал эти войска и, осуществляя географические исследования, одновременно выполнял функции военного советника.

Булатович стал первым путешественником, прошедшим через эти земли и нанёсшим на карту громадный горный хребет. Для него этот поход оказался вдвойне трудным — началась лихорадка. Длинные переходы под лучами палящего солнца казались бесконечными. Отдых на биваке тоже не приносил облегчения. Брезентовая палатка накалялась на солнце и не только не спасала от жары, но ещё более усиливала её. А ночью, когда, казалось,

можно было наконец-то отдохнуть в прохладе, вдруг налетал ураган, который обрушивал на людей лавину тропического ливня. А наутро снова переход под беспощадным солнцем. В полдень 26 марта отряд вышел к берегам озера Рудольф, о котором у европейцев были лишь неопределённые сведения от туземцев. Озеро оказалось огромным бессточным солоноватым водоёмом (8,5 тыс. км^2) глубиной до 73 м, испарения которого восполнялись единственной рекой Омо, впадающей в озеро с северных горных отрогов. Все мелководные берега этого озера были сплошь покрыты многотысячными колониями изящных птиц фламинго, которые умудрялись отдыхать и спать, стоя попеременно на одной ноге. Булатович обратил внимание на их великолепное розовое оперение – позже перья фламинго стали для Эфиопии прибыльным предметом экспорта; этими перьями охотно украшали свои шляпки парижские модницы.

Женщина-эфиопка. Иллюстрация из книги А. Булатовича.

В устье реки Омо, впадающей в озеро Рудольф, Булатович водрузил эфиопский флаг – экспедиция достигла цели. Пять тысяч ружей отсалютовали новым владениям Менелика. Забили литавры, затрубили трубы, засвистели флейты – солдаты праздновали победу. За время второй (военной) экспедиции к озеру Рудольф Булатович прошёл 8 тыс. верст за 211 дней (69 дней ушло на остановки) по совершенно неизвестной и ранее не исследованной стране. Всё пространство, находившееся между 70° северной широты и озером Рудольф, на всех картах Африки выглядело белым пятном.

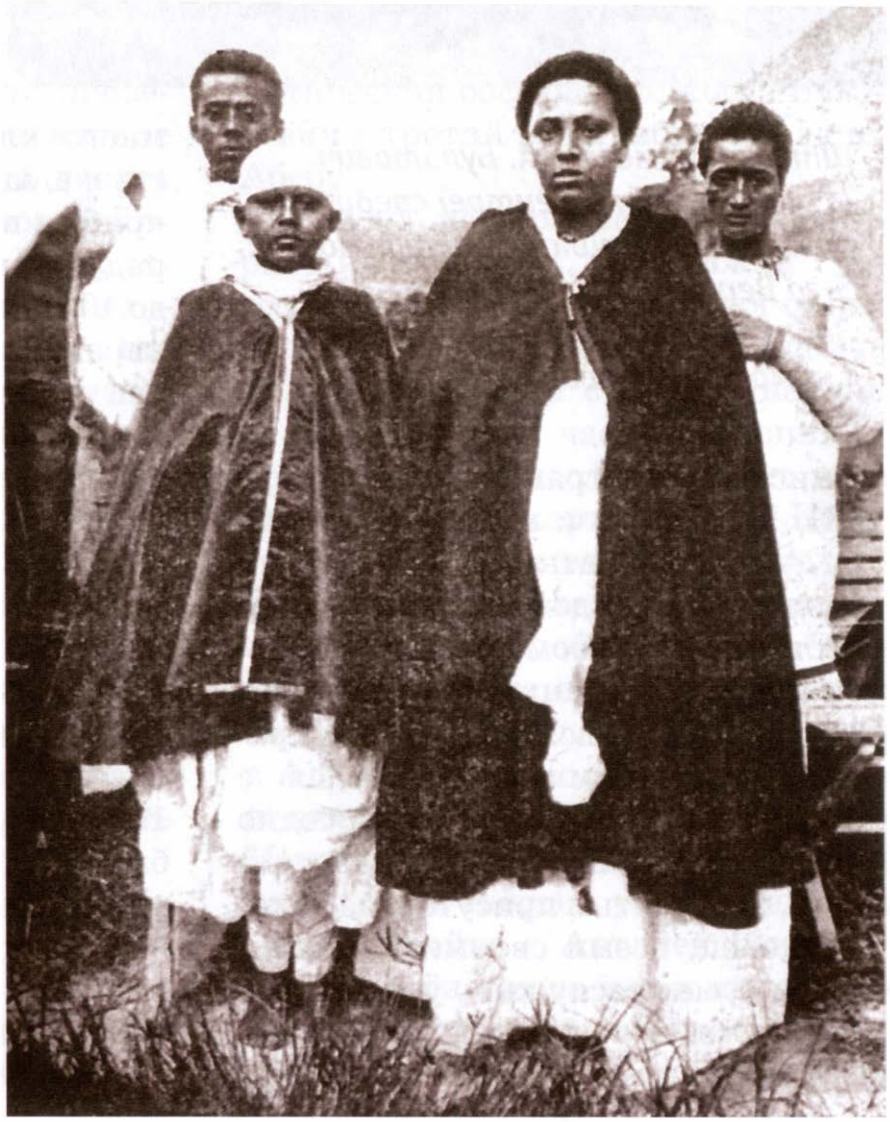
Но путешествие – это сплошные лишения и смертельная опасность. Обратный путь отряда также был нелёгок. Он был усеян трупами людей и животных. Булатович постоянно искушал судьбу, и она подвергала его смертельным испытаниям. Сколько раз он выходил невредимым из, казалось бы, безвыходных положений в стычках со львами и слонами. Поистине, судьба не только

испытывала его, но и хранила. По завершении этой экспедиции император Менелик говорил: «Я не знаю такого человека, как он, сильное создание, которое не устаёт». Свидетельством признания доблести Булатовича была высшая награда Эфиопии – украшенный серебром золотой щит и золотая сабля. Менелик просил отметить Булатовича и в своём отечестве: в России Булатовича наградили орденом Святого Станислава II степени и произвели в штабс-ротмистры.

Завершив второе путешествие, во время которого он сопровождал эфиопские войска, присоединившие к империи Менелика земли в районе озера Рудольф, Булатович 5 июня 1898 г. возвратился в Аддис-Абебу, а через 9 дней направился в Петербург, куда прибыл 30 июля. В январе 1899 г. он выступил с сообщением в Русском географическом обществе «Из Абиссинии через страну Каффу на озеро Рудольф», которое было напечатано в «Известиях Русского географического общества» (1899). В этот же период по материалам экспедиции к озеру Рудольф Булатович удивительно быстро написал солидную монографию о неизвестных окраинах Абиссинии, снабдив её картами – «С войсками Менелика II» (Санкт-Петербург, 1900). Научная общественность России и учёные Европы сразу признали его заслуги.

Однако в Петербурге А. Булатович долго не задержался и через 7 месяцев вновь возвратился в Эфиопию. В столице он оставался до 10 марта 1899 г., когда вновь был направлен в Эфиопию по личному ходатайству

Жители Эфиопии на рубеже 19–20 веков. Иллюстрация из книги А. Булатовича.

Штабс-ротмистр А. Булатович (в первом ряду в центре) среди разведчиков Хайларского отряда 3-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска. Снимок 1901 года.

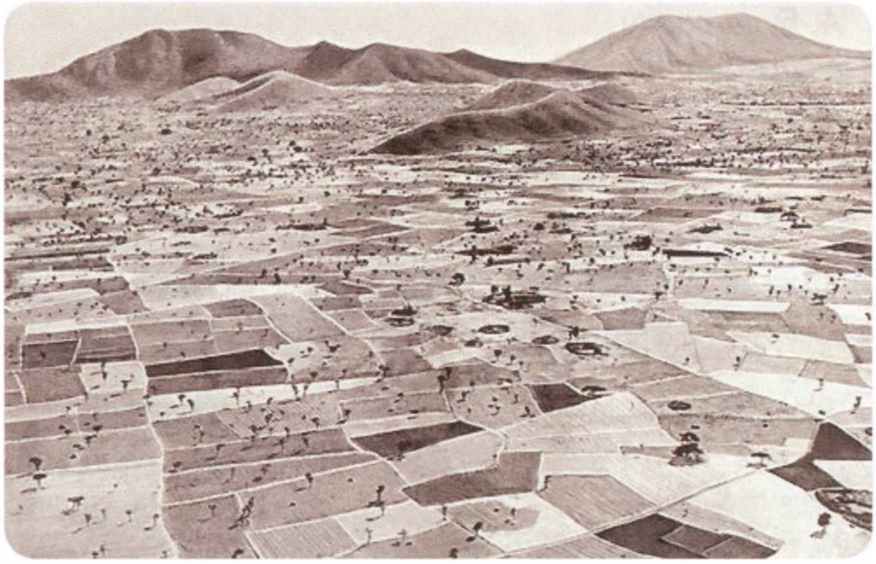
министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева к военному министру А.Н. Куропаткину: «Булатович успел зарекомендовать себя самым блестящим образом во время поездок своих по границам Эфиопии. Он вполне освоился с местными нравами и обычаями, ознакомился с языком страны, которым свободно владеет, и проявил редкие выносливость, храбрость и присутствие духа, и наконец, всеми своими качествами он сумел заслужить уважение и доверие самого Менелика II». Царь Николай II санкционировал поездку Булатовича в Эфиопию и одобрил подарки Менелику – иконы в дорожных футлярах. 7 марта Булатович был лично принят Николаем II.

Через три дня Булатович выехал поездом в Одессу, рассчитывая успеть на пароход «Тамбов», который 15 марта должен был отплыть в Аден. Однако его отплытие по ряду причин задержалось и судно отправилось в рейс лишь 22 марта. В Аден Булатович прибыл 4 апреля; много хлопот ему доставила перегрузка багажа. 22 апреля Булатович прибыл в Харар, где ему был оказан радушный приём; он оставался там до 10 мая, ожидая прибытия второго каравана с медикаментами. Наконец утром 10 мая он выступил в Аддис-Абебу. Его сопровождал лишь один слуга и у него было только два верховых мула. Неутомимый наездник, он, как и во время двух предшествующих путешествий, преодолел 500 вёрст, отделявших Харар от Аддис-Абебы, за 101 час, причём 82 часа ушло на дорогу, 19 – на остановки, в том числе 9 часов – на сон. 14 мая Булатович в третий раз прибыл в Аддис-Абебу, где был радостно встречен всей русской колонией.

К этому времени Англия, закрепившись в Судане, намеревалась в 1900 г. напасть на Эфиопию и захватить её западные области для

прокладки железной дороги от порта Момбасы (Кения) в Судан. Позиция Англии была обусловлена её стремлением соединить непрерывной цепью железных дорог свои южноафриканские колонии с Египтом и тем самым обеспечить свою главную коммуникационную связь с Индией и другими колониями на случай захвата или заграждения Суэцкого канала. Поскольку природные и климатические условия долины Нила крайне неблагоприятны для проведения железной дороги, англичане стремились провести её у подножия Абиссинских гор через Кассаду, Томат, Фамаку, Кирин, реку Баро, западную часть озера Рудольф с выходом на Унассу у озера Виктория, где она могла соединиться с железнодорожной линией, ведущей к порту Момбаса на побережье Индийского океана. Внимание и силы англичан были направлены также на то, чтобы захватить богатства Южной Африки, прежде всего, золотые прииски Трансвааля. Они деятельно готовились к войне с бурами (потомками голландских поселенцев в Южной Африке), которая началась в октябре 1899 г.

Когда англо-египетские войска в 1898 г. продвинулись к рубежам Бени-Шангула, Менелик приказал отправить туда 5-тысячное войско и занять Фасокль. Такова была политическая обстановка, когда Булатович в третий раз прибыл в Аддис-Абебу.

Эфиопское плоскогорье южнее г. Аддис-Абеба.

Будучи на приёме у императора 3 июня 1899 г., российский посол П.М. Власов договорился с ним о третьей экспедиции Булатовича для геодезической съёмки западной и юго-западной части Эфиопии – этого ранее не исследованного и не нанесённого на карты района. Булатовичу предписывалось также собрать сведения о землях, в которых ему доведётся побывать. Его третье путешествие длилось 4 месяца; 24 октября 1899 г. он возвратился в Аддис-Абебу. По завершении экспедиции А. Булатович направил Менелику 3 письма-докладные. Они написаны в твёрдом убеждении, что близкая война с Англией неизбежна. Убеждён в этом был и император Менелик II. Однако эти прогнозы не сбылись по причине затянувшейся

А. Булатович с воспитанником — абиссинцем Васькой, спасённым им от смерти.

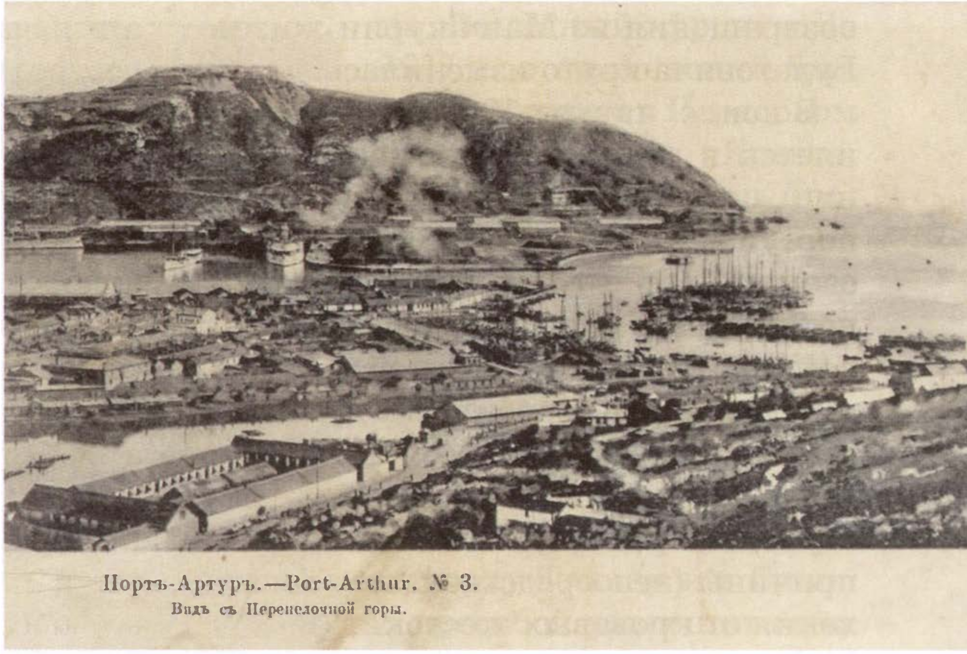
войны с бурами, оказавшими Англии упорное сопротивление.

Своё третье путешествие в западные области Эфиопии Булатович использовал для новых географических и этнографических исследований. Их результатами явились не только географические описания местностей и этнографические коллекции, но и новая карта пройденных стран, составленная на основе съёмок, произведённых самим путешественником с определением координат более 80 астрономических пунктов. Булатович исследовал такие труднопроходимые области, которые до него оставались недоступными другим путешественникам (материалы, которые он не успел оформить, по ряду причин до нас не дошли, за исключением его донесений и данных по определённым им астрономическим пунктам между Аддис-Абебой и Дар-Фасоклем, которые были установлены, очевидно, для последующего картографирования местности). В 3-й экспедиции он ещё раз блистательно доказал свою способность быстро и умело ориентироваться в применении к местности и к обстоятельствам, проявил редкий такт ладить с местным населением. Доказал он также самым похвальным образом свою выносливость, отвагу и не отступающую ни перед какими препятствиями и опасностями преданность долгу службы. Его исследования признавали такие авторитеты, как академик И.Ю. Крачковский и учёный-географ Ю.М. Шокальский. Труды А. Булатовича получили признание учёных России и Европы.

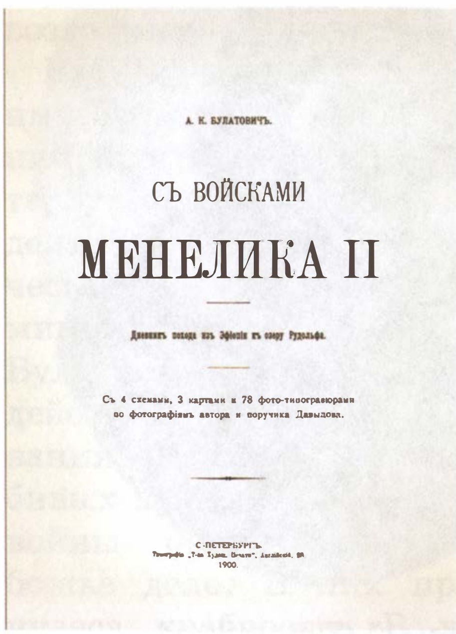
Менелик II восторгался деятельностью Булатовича, его железной энергией, выносливостью, знанием военного дела и необычайным мужеством, перед которым отступали все преграды и опасности. Посол

Власов сообщал в Петербург: «Булатович самым блестящим образом доказал не одним абиссинцам, а всем европейцам, находящимся здесь, на какие подвиги самоотвержения способен офицер, вышедший из русской школы и имеющий высокую честь числиться в рядах императорской гвардии».

В начале мая 1900 г. Булатович возвратился в Петербург, но пребывание в столице было недолгим – 23 июня по личному указанию Николая II Булатовича направили в Порт-Артур в распоряжение командующего войсками Квантунской области. Чем была вызвана столь срочная его командировка на Дальний Восток – неизвестно. Но по завершению военных действий в Манчжурии, в июне 1901 г. Булатович возвращается в свой полк; в апреле 1902 г. его производят в ротмистры, награждают орденом Святой Анны II степени с мечами и орденом Святого Владимира IV степени с мечами и бантом. Последовало также разрешение принять и носить пожалованный ему французский орден Почётного легиона. Тогда же он закончил ускоренный курс I Военного Павловского училища. Блестящая военная карьера ожидала талантливого и отважного гвардейского офицера, но после

Порт-Артур на русской открытке начала 20 века.

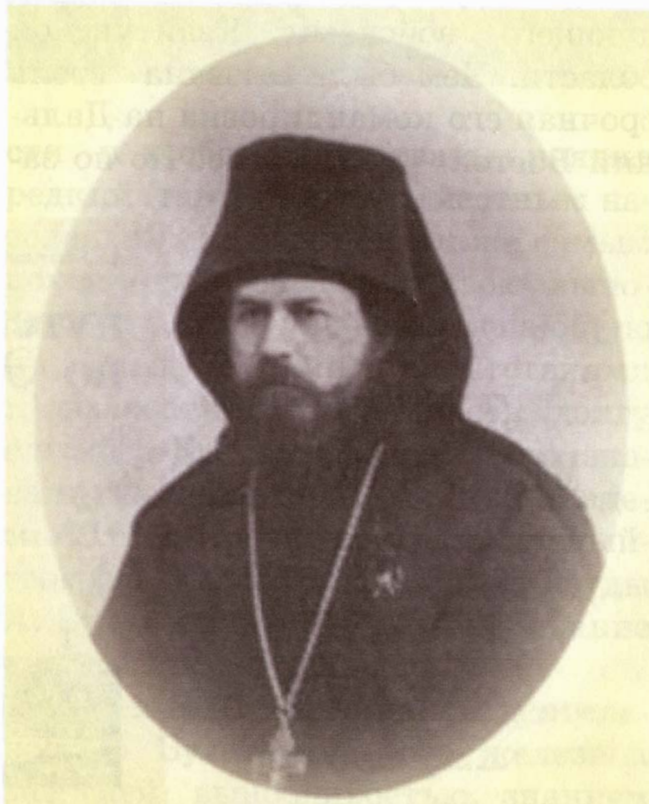
Книги А. Булатовича «С войсками Менелика II» и «Третье путешествие по Эфиопии».

возвращения из Манчжурии жизнь Булатовича круто изменилась.

В конце января 1903 г. он увольняется в запас и принимает решение... постричься в монахи. Этот поступок привёл в изумление весь светский Санкт-Петербург. Никто не мог объяснить поступок Булатовича, который от гусарской лихости и науки вдруг обратился к духовному подвижничеству. Можно только гадать, что предопределило этот поступок. Вероятно, на то были свои причины (непосредственные впечатления от кровавых жестоких боёв в Манчжурии, неразделённые чувства к дочери командира полка князя Васильчикова), но вероятнее всего то, что Булатович, глубоко религиозный и кристально честный человек, подпал под влияние известного тогда проповедника и мистика настоятеля Кронштадтского собора Иоанна. И, к сожалению, душевный разлад, побудивший гусарского офицера постричься в монахи, помешал ему издать книгу по материалам своего 3-го путешествия в Эфиопию.

Булатович уволился в отставку 30 марта 1906 г. и сразу же после пострижения, как отец Антоний, отправился на святую гору Афон (Греция), где в 1907 г. принял схиму – клятву (обет) соблюдать особо строгие аскетические правила поведения. Началась новая жизнь – замкнутая и одинокая; он не знал, что делается на белом свете, ибо газет не читал. В 1910 г. его рукоположили в иеромонахи (монахи-священники), а в начале 1911 г. отец Антоний в четвёртый (и последний) раз отправился в Эфиопию, где намеревался учредить русскую православную духовную миссию на острове озера Шале, в 3 днях пути к югу от Аддис-Абебы.

Булатович, несмотря на наблюдательность, сметливость и образованность, был человеком увлекающимся, а по взглядам – последовательным идеалистом, притом весьма непрактичным. Эти стороны его натуры и проявились наиболее чётко в его последней, 4-й поездке в Эфиопию (1910—1911) после пострижения в монахи. Об этой поездке до сих пор мало что известно. На Афоне воспре-

Отец Антоний (Булатович). Начало 1910-х годов. На рясе – орден Святого Владимира.

Монастырь Ватопед на Афоне, в котором А. Булатович принял схиму и стал иеромонахом.

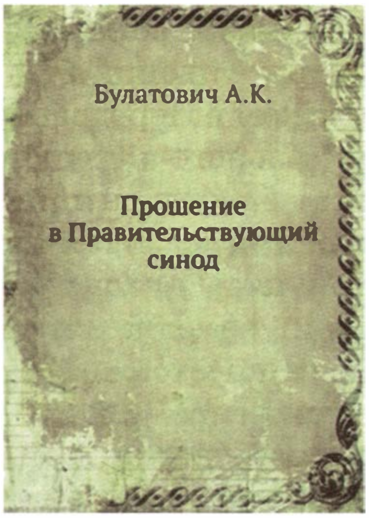
пятствовали учреждению миссии на Шале и в конце 1911 г. отец Антоний возвратился в обитель.

В 1912—1913 и даже в 1914 гг. имя Булатовича не сходило со страниц прессы. Он проживает в Петербурге, где развивает бурную деятельность, публикует полемические статьи. С началом Первой мировой войны, в августе 1914 г. Булатович добился назначения в действующую армию для обслуживания духовных нужд «христолюбивых воинов», утверждая: «Святы войны оборонительные. Они – божье дело. В них проявляются чудеса храбрости. В войнах наступательных таких чудес мало». В октябре 1914 г. он отправляется на Западный фронт. До 1917 г. отец Антоний был священником в Передовом отряде Красного Креста. Чудеса храбрости он проявляет вновь, невзирая на возраст и рясу духовного пастыря и награждается наперсным крестом на Георгиевской ленте.

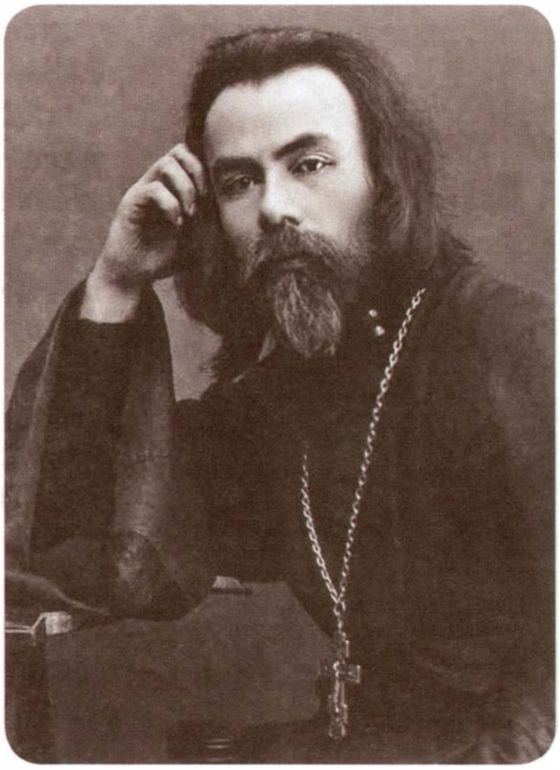
После окончания войны Булатович в феврале 1918 г. обращается к патриарху Тихону и в Синод с просьбой разрешить ему удалиться на покой. Прошение было удовлетворено, и в конце 1918 г. он уезжает в своё имение Луцыковщина под Харьковом, где проводит последний год своей жизни. В ночь с 5 на 6 декабря 1919 г. Булатович был убит

Отец Антоний (Булатович) на Западном фронте.

После обращения к патриарху Тихону и в Синод А. Булатович ушёл на покой.

грабителями. Бурные годы революции стёрли память о Булатовиче, тем более что фанатичный отец Антоний почти полностью заслонил собой отважного путешественника по неизведанным землям Африки. Он был честным и стойким, искренним и мужественным. Эти качества в сочетании с чувством долга и пламенным патриотизмом и побудили молодого гусара всего за 4 года совершить то, что прославило его имя и поставило в один ряд с выдающимися российскими путешественниками.

После его трагической смерти бумаги, обнаруженные в келье, построенной им в имении, принадлежавшем до революции его матери, были переданы в местную церковь и пропали или были уничтожены при её закрытии. Что касается архива русского посольства в Эфиопии, то последним дипломатическим представительством царской России, не пожелавшим примириться с революционными переменами на родине, он был передан на хранение французам, которые в 1936 г. вывезли его в Париж. Во время Второй мировой войны, в июне 1940 г. он сгорел вместе с частью фондов французского МИД в результате одного из налётов немецкой авиации. Поэтому отправленные Власовым Муравьёву копии донесений Булатовича – единственные свидетельства его 3-го путешествия в неисследованные в то время районы Эфиопии. В них не только рассказывается о трудностях, которые приходилось преодолевать Булатовичу на своём пути, но, что очень важно, порой даётся характеристика социальных отношений, например, далеко ещё не изжитого рабовладения, говорится о сложной внешнеполитической обстановке на северо-востоке «чёрного континента».

Всё это позволяет оценивать эти архивные документы как уникальный источник, тем более ценный, что их автора в отличие от английских, французских и итальянских наблюдателей, не побуждали какие-либо

меркантильные соображения; его симпатии были целиком на стороне эфиопов, которым он искренне стремился помочь.

Скромная могила этого выдающегося путешественника и далеко не обычного человека находится в д. Луцыковщина Белопольского района Сумской области Украины. В 2009 г. на ней установлен и освящён гранитный крест. Но лучший памятник А.К. Булатовичу – его труды на ниве географической науки, которые со временем становятся всё очевиднее.

Гусар, землепроходец, схимник – таков был Александр Ксаверьеич Булатович. Он был первопроходцем Каффы, первым европейцем, переступившим рубежи этой неведомой страны. Он был дерзок и смел! Судьба его необычна и могла бы послужить темой захватывающей приключенческой повести. Это о нём писали Ильф и Петров в романе «Двенадцать стульев»: «Вы слыхали о гусаре-схимнике?» – спрашивал Остап у Воробьянинова. Имя лихого гусара Булатовича в конце 1890-х гг. и в начале 20 в., вплоть до октября 1917 г. было необычайно популярным.

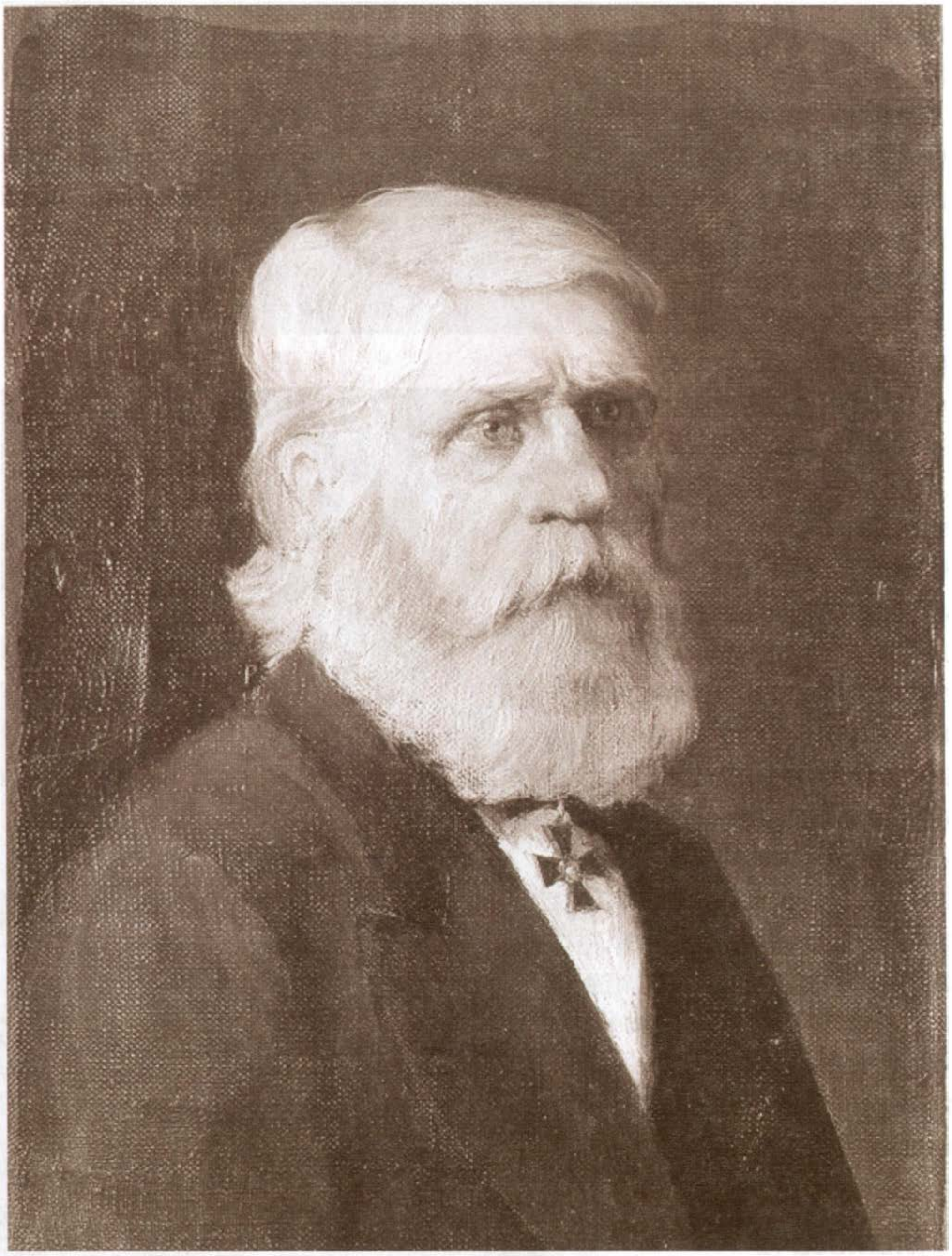

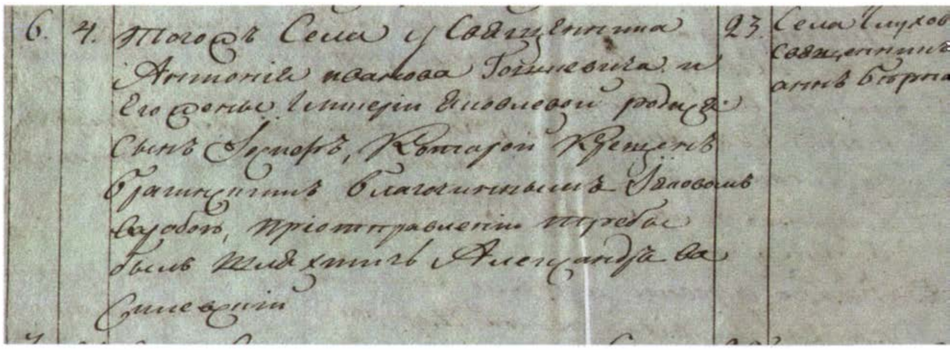
Мемориальная доска в Москве на ул. Садовническая, 77.

Могила А. Булатовича в д. Луцыковщина (Украина).

ИОСИФ ГОШКЕВИЧ

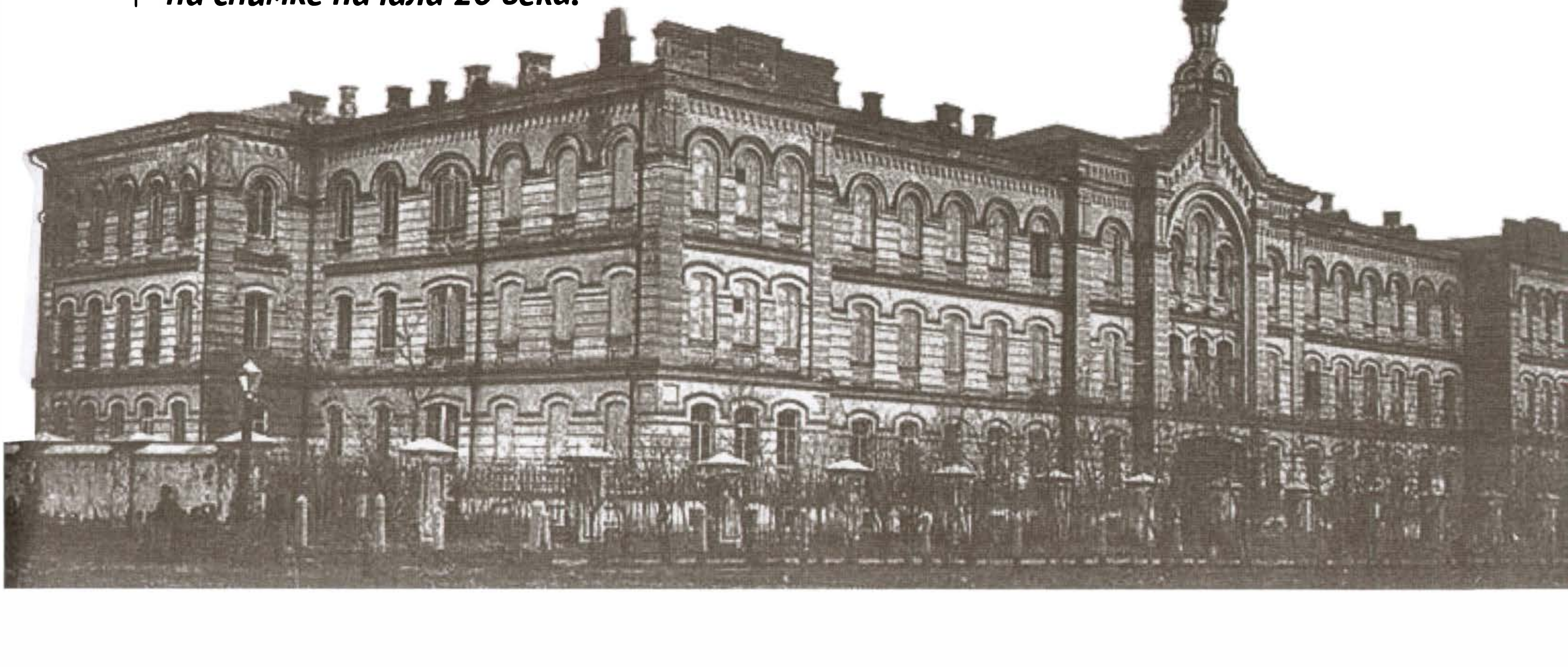
Запись в метрической книге о рождении И. Гошкевича.

Дипломат и путешественник-натуралист, учёный-языковед, исследователь Японии, Китая и Дальнего Востока **Иосиф Антонович Гошкевич** родился 16 апреля 1814 г. в д. Стреличево Речицкого уезда Минской губернии в семье священника. В 1835 г. окончил Минскую духовную семинарию, в 1839 г. – Петербургскую духовную академию. В 1839—1849 гг. в составе Российской духовной миссии находился в Пекине, где изучал китайский, корейский, манчжурский и японский языки, исследовал культуру и философию Китая. Осуществлял в Китае астрономические и метеорологические наблюдения, исследовал флору и фауну, собрал коллекцию насекомых. После возвращения в Петербург в 1850 г. был зачислен

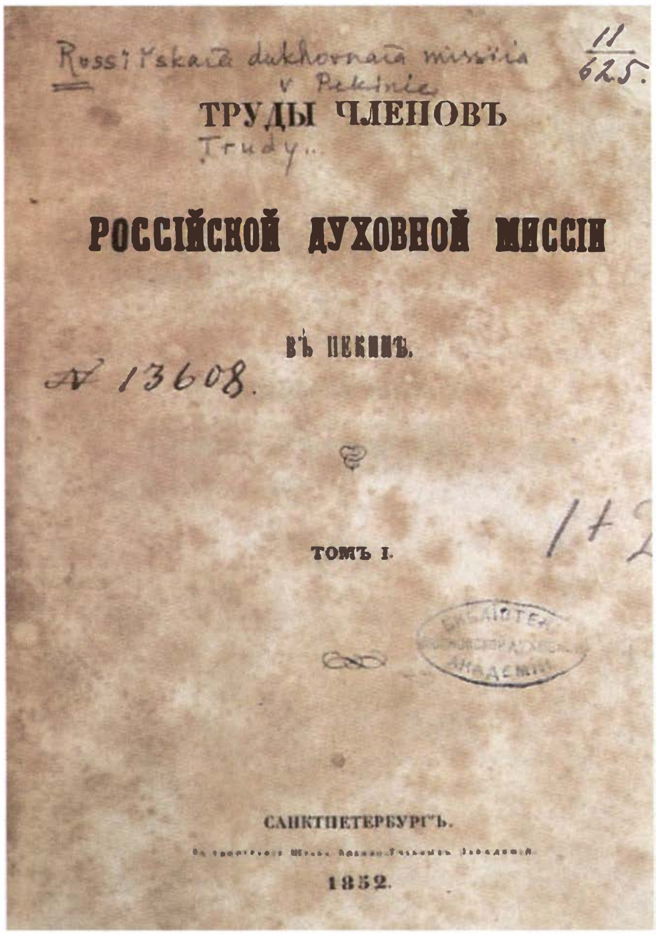
Здание Минской духовной семинарии, где учился Иосиф Гошкевич.

Петербургская духовная академия на снимке начала 20 века.

Бабочка «Бархатница Гошкевича».

ТРУДЫ ЧЛЕНОВЪ

РОССІЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ

ВЪ ПЕКИНѢ.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1852.

Первый из четырёх томов фундаментального издания «Труды членов Росийской духовной миссии в Пекине». 1852 год.

чиновником по особым поручениям в Азиатский департамент Министерства иностранных дел (МИД) России. В фундаментальном издании «Труды членов Росийской духовной миссии в Пекине» (т. 1—3, Санкт-Петербург, 1852—1857) опубликовал ряд статей и очерков о Китае, получивших широкую известность в научном мире: о разведении риса и картофеля, о шелководстве, приготовлении туши, белил и румян, о китайских счётах. Работы эти вызвали положительные отклики в передовых российских журналах «Современник» и «Отечественные записки». Плодотворные научные изыскания в Китае получили серьёзную известность в научном мире. Он был удостоен ордена Святого Станислава III степени.

Орден Святого Станислава.

В качестве переводчика и советника И. Гошкевич вместе с русским писателем И. Гончаровым сопровождал на фрегатах «Паллада» и «Диана» дипломатическую миссию адмирала Е.В. Путятина в Японию (1852—1855). Попутно выполнял научные исследования по заданию Российской академии наук. Будучи ограниченной в средствах, академия использовала любую поездку русских образованных людей в дальние страны, чтобы привлечь их к научной деятельности, и Гошкевич с его даром естествоиспытателя и «китайским опытом» был для академии счастливой находкой. В пути он собирал образцы насекомых, крабов, минералы. С участием Гошкевича в 1855 г. в г. Симода был заключён первый русско-японский договор об установлении дипломатических отношений, торговле и границе между странами. Изданный им в 1857 г. «Японско-русский словарь» был отмечен золотой медалью Российской академии наук и Демидовской премией.

Фрегат «Паллада».

21 декабря 1857 г. высочайшим указом императора Иосиф Антонович был назначен первым русским консулом в Японии (г. Хакодате на крайнем юге острова Хоккайдо),

Фрегат «Диана».

А. Гончаров.

Е. Путятин.

И. Гошкевич среди офицеров фрегата «Паллада» (в первом ряду второй слева).

Обложка «Японско-русского словаря», составленного И. Гошкевичем.

куда прибыл 5 ноября 1858 г. и пробыл в этой должности до 1865 г. При консульстве учёный в 1861 г. открыл русскую школу, где японских детей обучали русской грамоте. За семь лет пребывания в Хакодате И. Гошкевичем были построены консульский дом, морской госпиталь, православная церковь. Гошкевич обучал японцев русскому языку, фотографии, выпечке хлеба, приготовлению молочных продуктов и солений, шитью одежды европейского покроя. Японцы уважали его за бескорыстие, за стремление понять местные обычаи и культуру. Простой в обращении, искренний человек, он всемерно старался наладить добрые отношения с японцами.

Церковь Воскресения Христова в Хакодате. Первый православный храм в Японии (1859 год).

И. Гошкевич был первым иностранцем в Японии, которому было разрешено путешествовать по стране, и однажды он стал свидетелем мощного цунами.

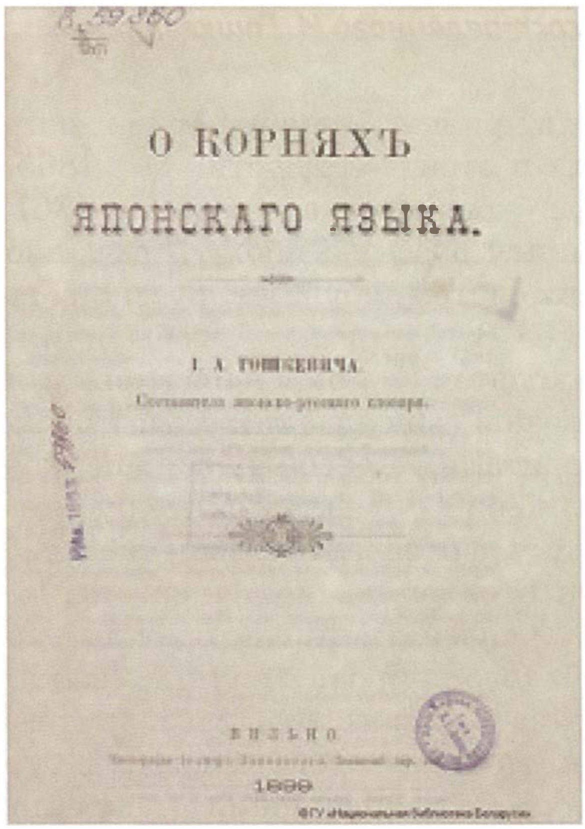

Старый императорский дворец в Киото, где И. Гошкевич бывал на приёмах у микадо.

Сотрудники японского посольства. 19 век.

В начале 1865 г. И. Гошкевич выехал в Петербург. На то время он был единственным в столице и, возможно, во всей России человеком, в совершенстве владевшим японским языком. Многочисленные коллекции флоры и фауны юго-восточной Азии, собранные им во время путешествий, он передал Зоологическому музею Петербургской академии наук. По возвращении из Японии в 1865—1866 гг. служил в Азиатском департаменте МИД России в чине коллежского советника. И. Гошкевич провёл в Петербурге два года, после чего уволился по состоянию здоровья, получил почётную пенсию и приобрёл имение Мали под

О КОРНЯХЪ

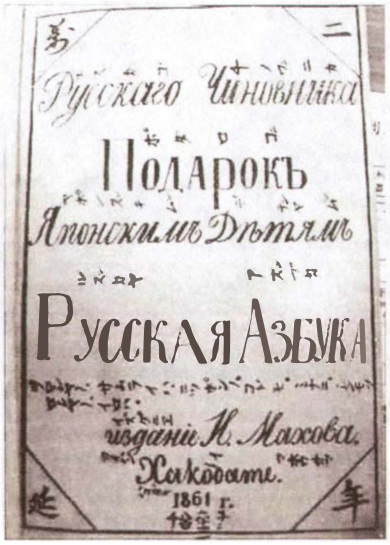
ЯПОНСКАГО ЯЗЫКА.

И. А. ГОШКЕВИЧА

Составителя японско-русскаго словаря.

ВИЛЬНО

Книга «О корнях японского языка».

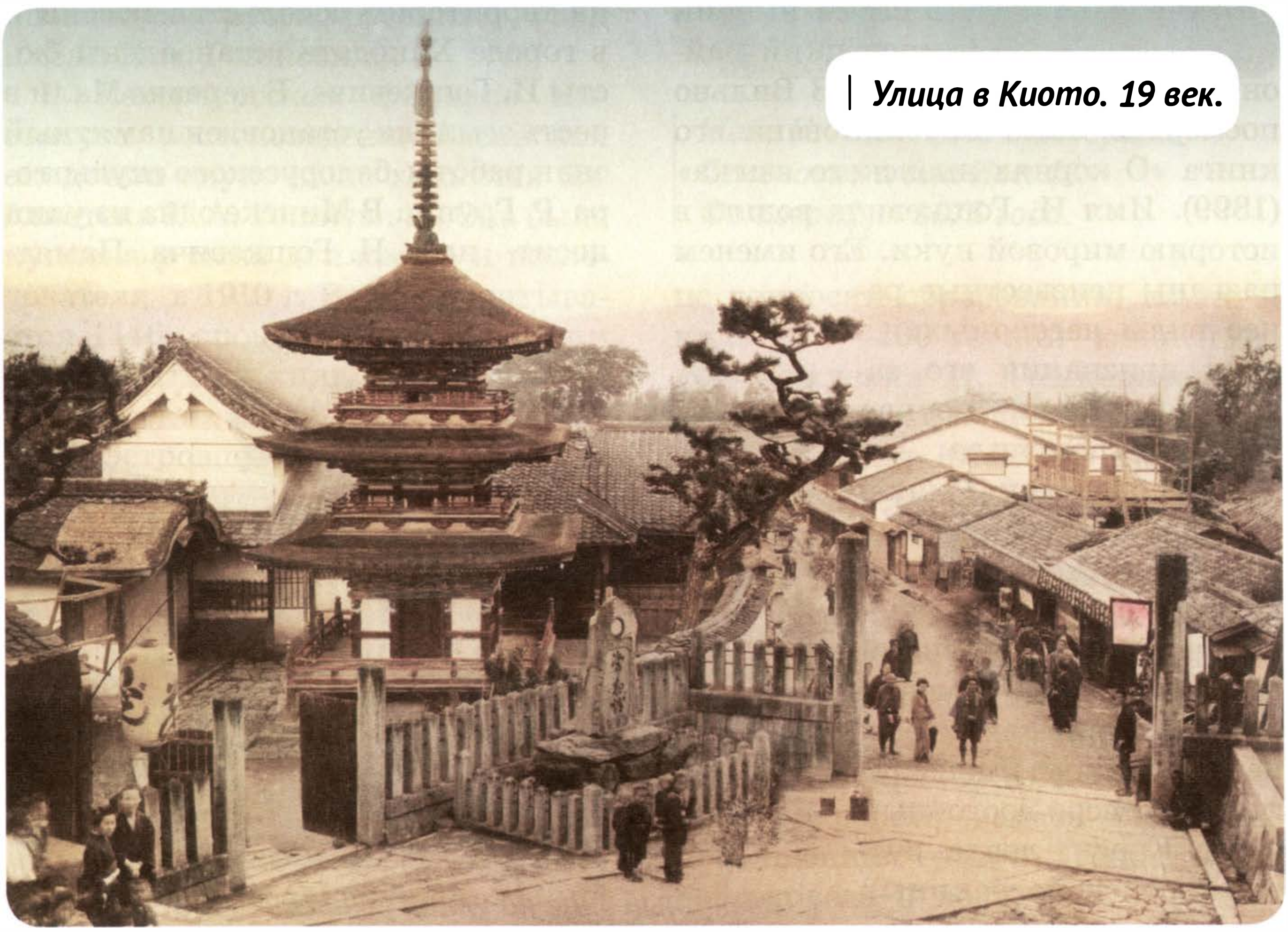

Русскаго Чиновника
Подарокъ
Японскимъ Дѣтямъ
Русская Азбука
изданіе И. Махова.
Хакодате.
1861 г.

«Русская Азбука» И. Гошкевича.

Жительницы Японии в конце 19 века.

Улица в Киото. 19 век.

Зоологический музей в Санкт-Петербурге.

Островцом на Гродненщине, где занимался восточной филологией. Умер Иосиф Антонович Гошкевич 5 октября 1875 г. в своём имении в д. Мали (ныне Островецкий район Гродненской области). В Вильно посмертно была опубликована его книга «О корнях японского языка» (1899). Имя И. Гошкевича вошло в историю мировой нуки. Его именем названы неизвестные ранее виды насекомых: в знак признания его заслуг крупная ночная бабочка получила название бражник Гошкевича, красивый хищный жук — жужелица Гошкевича, ещё один жук получил название листоед Гошкевича. Именем исследователя также был назван залив в Японском море (северо-восточный берег Кореи, возле русско-корейской границы); залив в 1854 г. впервые описали и назвали в честь Гошкевича офицеры фрегата «Паллада». В Токио на территории посольства России и в городе Хакодате установлены бюсты И. Гошкевича. В деревне Мали в честь земляка установлен памятный знак работы белорусского скульптора Р. Груши. В Минске одна из улиц носит имя И. Гошкевича. Памят-

Памятный знак на улице Гошкевича в Островце.

Бюст учёного в японском городе Хакодате.

ник ему открыт в Островце Гродненской области (1994 г., скульптор В. Янушкевич). С 1994 г. действует японско-белорусско-русский Фонд имени И.А. Гошкевича.

В Петербургском филиале Института востоковедения Росийской академии наук ныне хранится библиотека И.А. Гошкевича. Она была куплена у сына дипломата и исследователя в 1910 г. В ней насчитывается 1346 японских ксилографов и старопечатных книг, 47 листов географических карт.

В Островце каждые два года проходят научные чтения, на которые приезжают гости из Японии. В Минске в 1968 г. вышел роман В. Гузанова «Одиссей с Белой Руси», посвящённый И. Гошкевичу. В 1993 г. книга в дополненном варианте вышла на белорусском языке.

По решению 37-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры) 200-летний юбилей со дня рождения И. Гошкевича был официально включён в календарь памятных дат ЮНЕСКО на 2014—2015 гг. В рамках празднования юбилейной даты в Беларуси проводились выставки, научные чтения и конференции с участием Посольства Японии. Юбилей выдающегося уроженца нашей страны Иосифа Гошкевича отмечали также в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже. Здесь экспонировалась выставка, посвящённая работе гениального востоковеда 19 века.

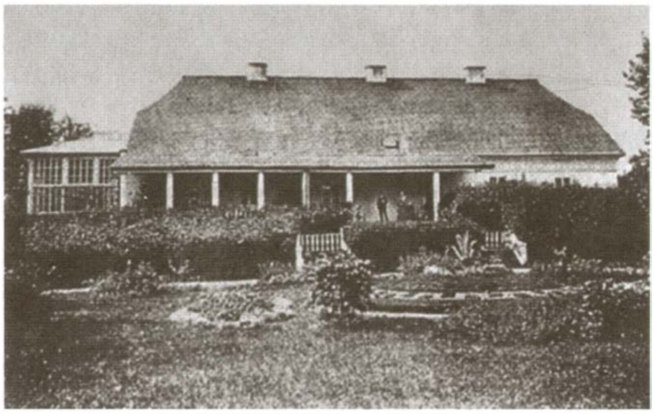

Жена И. Гошкевича Екатерина Семеновна и сын Иосиф. Фотография 1875 года.

ИГНАТИЙ ДОМЕЙКО

Жизнь знаменитого геолога и географа мирового масштаба, путешественника **Игнатия Ипполитовича Домейко** (1802—1889), наполненная увлекательными приключениями, достойна многосерийного кинофильма. Он оказал неоценимую услугу республике Чили, ставшей по иронии судьбы его второй родиной, прожил там почти 50 лет и там же предан земле.

Родовое имение Медведка.

И. Домейко родился в родовом имении Медведка Новогрудского уезда Минской губернии (ныне Кореличский район Гродненской области). В 1822 г. он окончил Виленский университет со степенью магистра философии. Вместе с ним учился поэт Адам Мицкевич, который вовлёк его в тайное общество филоматов под конспиративным именем Жегота (под этим именем Домейко был увековечен Мицкевичем в его эпопее «Пан Тадеуш»). Осенью 1823 г., после разгрома общества Домейко находился в тюремном заключении, затем был освобождён и до 1830 г. был под домашним арестом в фольварке Заполье (ныне Лидский район Гродненской области). Во время восстания 1830—1831 гг. против царизма, которое развернулось в Польше, Беларуси и Литве, в 1831 г. примкнул к повстанцам.

Виленский университет. В 1822 г. его окончил И. Домейко.

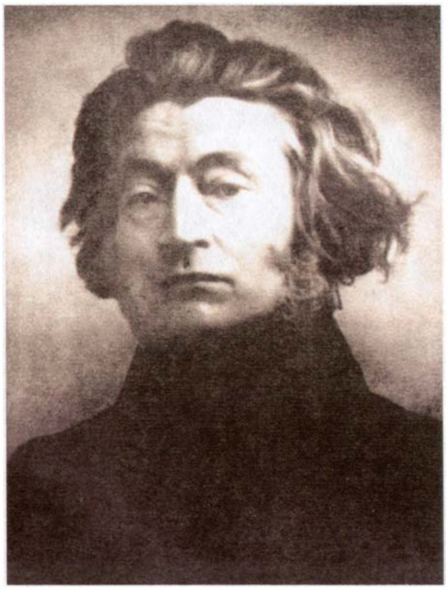
Весна 1831 г. на Новогрудчине была необычно тёплой. Сидя на крыльце своего усадебного дома в Заполье, Игнат глубоко задумался – пошёл еще только 30-й год жизни, а уже хватил лиха. В 7-летнем возрасте остался без отца, который служил мировым судьёй в Новогрудке. Брат отца Иосиф Домейко, воспитанник знаменитой Фрайбергской горной академии в Германии, увлёк юношу интересными книгами о приключениях и путешествиях. Домашний арест под надзором полиции по делу филоматов – это, конечно же, не оренбургские степи, куда высланы Т. Зан и Я. Чечот. К тому же близкий друг Адам Мицкевич где-то бродит по эмигрантским закоулкам Европы. А он уже начал готовиться к профессорской кафедре в Виленском университете – закончится ведь когда-нибудь этот домашний арест. Что же принесёт ему неспокойный 1831 год?

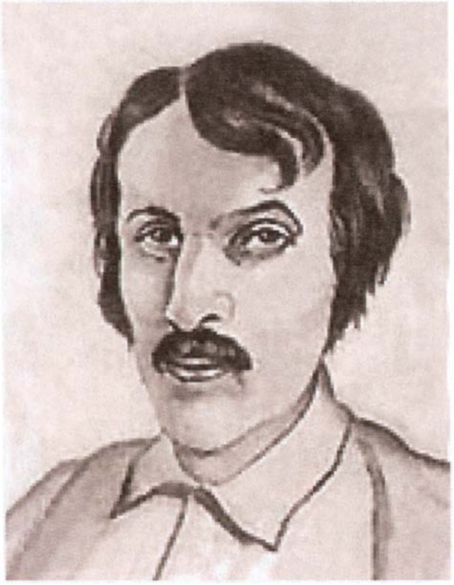
И. Домейко. 1830-е годы. Акварельный портрет работы Ю. Куровского.

Т. Зан.

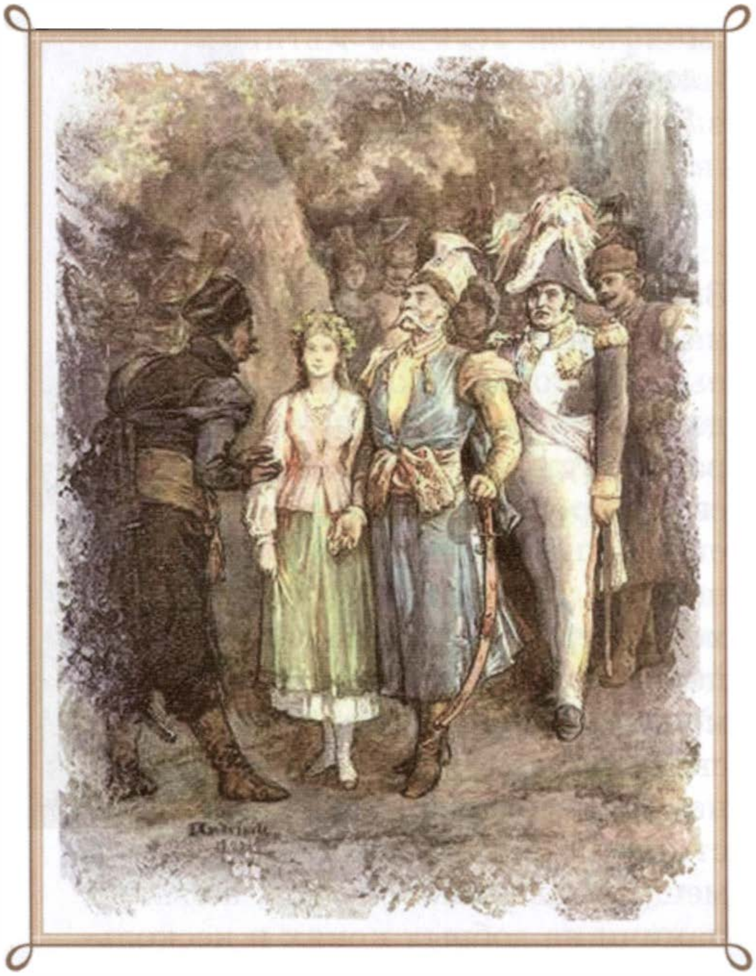
А. Мицкевич.

Я. Чечот.

Игнат плотно закрыл за собой двери дома и, преклонив колени, тихо прочитал молитву, запавшую в душу с детства. Поцеловал родную земельку, решительно поднялся и, придерживая саблю, лихо вскочил на своего коня Каштана. Своим слугам сказал, что они отныне люди вольные.

Домейко тронул коня. Он не проехал и мили, как послышались трубы уланов, а вдали при ярком солнце засверкали знамёна. Трубачи бодро играли марш. В стороне, в окружении свиты и штабных офицеров, ехал генерал Д. Хлоповский, выделяясь красивой осанкой – плащ, наброшенный на плечи, белый орёл на шапке. Тут же генерал Тышкевич, сенатор Лога, доктор Мартиновский и несколько адъютантов. Игнат подъехал к Хлоповскому, представился и, добавив «Готов к услужению!», встал сбоку тракта. Теперь уже как полковой адъютант майора Мацевича.

Иллюстрации к поэме А. Мицкевича «Пан Тадеуш».

Радостно присматривался Игнат к войсковому строю. Впереди шёл эскадрон улан в синих мундирах с красными отворотами, под командованием офицера Барковского; все как на подбор, на хороших ухоженных конях, будто вышли на парад на плац в Варшаве. Однако же уже 3 недели они были на марше, а 5 дней тому назад имели жестокую стычку с неприятелем.

Восстание 1830–1831 годов. «Сражение при Грохове 13 февраля 1831 года».

За эскадроном и тоже на конях шёл легион вымуштрованных солдат старой гвардии, что раньше служили в войске Королевства Польского. Дальше шли пешком или ехали верхом отряды повстанцев, которые примкнули к корпусу в Беловежской пуще и по дороге на Лиду, среди них крестьяне, мелкая шляхта, мещане, дворовая служба, а были и паничи на добрых конях и несколько ксендзов с молитвенниками. Замыкала корпус растянувшаяся на полверсты арьергардная стража конных стрельцов.

Конец боевых действий повстанцев генерала Хлоповского известен – после ряда тяжёлых боёв и поражений бесславный переход прусской границы. Молча слезают они с коней, отстегивают палаши, бросают в кучу, а поверх них словно печальные розы – свои бело-красные знамёна. Багряное солнце зашло за небосвод – весь повстанческий корпус Хлоповского был разоружён пруссаками.

С 1 января 1832 г. прусские власти начали отправлять эмигрантов в Страсбург. На границе Германии и Франции тем, кто отправлялся в дорогу на свои средства, были выданы паспорта во Францию. Игнат Домейко решил ехать через Дрезден, где в то время жил его друг Адам Мицкевич. Уже на следующий день, осматривая проездом готический замок крестоносцев в Мальборке и припомнив поэму Мицкевича о Конраде Валенроде, Игнат с нетерпением считал часы и минуты до долгожданной встречи. Он ещё не знал, что спустя несколько месяцев в Вильно будет закрыт университет, где он мечтал занять кафедру.

И вот, наконец, Дрезден. В начале весны Игнат посетил Фрайберг – небольшой уютный городок на юге Саксонии. Здесь в знаменитой Горной академии когда-то учился его

опекун Иосиф Домейко. Рассказы дяди Иосифа о романтической профессии геолога, о сказочном мире минералов ещё тогда глубоко тронули душу Игната. И вот теперь он, взволнованный от нахлынувших воспоминаний детства, с нескрываемым интересом впервые рассматривал в минералогическом музее волшебный мир минералов. Поездка эта стала для Игната судьбоносной: ровно через год, оказавшись в Париже, он переступил порог Высшей горной школы Франции и стал геологом...

В конце июня по требованию России саксонская полиция приказала эмигрантам выехать из страны. Адам и Игнат наняли фуру; двигались неторопливо, задерживаясь на ночлег и обеды там, где понравится, и вскоре подъехали к Рейну. Солдаты французской стражи приветствовали их возгласами: «Виват, поляки!».

Париж... Город, в который юноши горячо стремились ещё с университетской поры, представлялся им очагом свободы, стержнем и столицей высшей цивилизации. Ведь здесь вспыхнуло столько революций, выросло столько титанов духа, разразилось столько стихий, и всё это ради чести и достоинства людей.

Дрезден в 19 веке.

Горная академия в Париже.

В Париже И. Домейко в 1836 г. с отличием окончил Горную академию. Вскоре представитель Чили (страна в далёкой Латинской Америке) обратился в Академию с просьбой рекомендовать хорошего специалиста на должность профессора химии и минералогии в г. Кокимбо. Ректор Академии, не раздумывая, предложил эту должность Домейко – своему самому талантливому ученику. Так началось великое путешествие Игнатия, которое по контракту должно было длиться 6 лет, а на самом деле растянулось на полвека.

В феврале 1838 г. на бриге «Спэй» учёный отправился из Англии в Бразилию. Первая остановка была на острове Мадейра, знаменитом своими виноградниками и вином – мадерой. Домейко вышел прогуляться с геологическим молотком в окрестностях порта. Позабавило, когда увидел отрясённые ветром апельсины и лимоны, которые лежали в траве, как яблоки или груши в далёком Заполье. И тут же находились заросли гелиотропов и гиацинтов. Он представил себе в мыслях ту страшную подземную мощь, которая подняла из глубин океана могучими массами скальных пород, базальта и пепла весь этот красивый остров, несомненно, являющийся потухшим вулканом. 4 марта утром Домейко ещё спал, когда его позвал капитан, чтобы показать красивые скалы острова Тенерифе – одного из группы Канарских островов.

...Ветер наполнял паруса и легко нёс корабль мимо Канарских островов на юго-запад. Находясь на палубе, Игнат любовался вулканом Пико-де-Тейде,

Панорама современного города Кокимбо.

Вид на город Рио-де-Жанейро. Фото 1874 года.

поднимавшимся над уровнем моря на высоту 3718 м. Вершина горы, обычно закрытая пеленой тумана и облаками, сейчас белела в голубом небе. Перед сумерками на западе возник ещё один остров из группы Канарских островов – Ферро высотой 1501 м (до 1884 г. через Ферро географы проводили нулевой меридиан). 27 марта с утра взоры пассажиров были устремлены на запад, все молчали. Наблюдатель с рассвета смотрел в подзорную трубу и, увидев маленькое пятно на горизонте, закричал: «Земля!». «Спэй» плыл быстро и через полчаса пятно вытянулось в фиолетовую ленту. Домейко почувствовал ту радость, какая могла быть у первых посетителей Нового Света в подобной ситуации. В полдень берег Южной Америки открылся так близко, что обычным глазом можно было рассмотреть тёмный лес, от которого до самого берега широкой полосой светился белый, как снег, песок. На корабле готовились пристать к берегу, вытягивали якорные цепи, вывесили флаг, достали тюки, подготовили лодки, а корабельные собаки ловили прибрежный воздух, почувствовав близкую землю. «Спэй» бросил якорь между французским фрегатом и пристанью

Вулкан Пико-де-Тейде высотой 3718 м.

Рио-де-Жанейро. Вид на статую Христа, воздвигнутую в 1931 году французским скульптором Ландовски.

Сальвадора – бывшей столицы Бразилии, основанной португальцами.

На рассвете 7 апреля «Спэй» подходил к скалистым берегам Рио-де-Жанейро. Местонахождение города необычайно живописно. Он лежит огромным полукольцом по берегу бухты Атлантического океана Гуанабары, глубоко врезающейся в материк. Горы окружают бухту с юга; у входа в залив – вершина Pano-de-Azucar (Сахарная Голова). На другой стороне, с севера, более покатая возвышенность спадает к морю. В глубине бухты видны корабли, а за ними в перламутровой дымке – ощеренные пиками цепи Бразильских Анд. Здесь преобладают спорадические ветры, которые всю ночь дуют с суши, потом слабеют до полного затишья, а с полудня устанавливается ветер с моря, который ослабляет жару и оживляет всё вокруг. Постоянные жара и дожди способствуют изобилию растительного мира на прибрежных скалах, а устремлённые ввысь пальмы и длинные листья бананов оживляют и без того живописный пейзаж. До самого хребта Корковаду вздымается красивый лес (на одном из холмов высотой 710 м в 1931 г. французский скульптор Ландовски воздвиг колоссальную статую Хри-

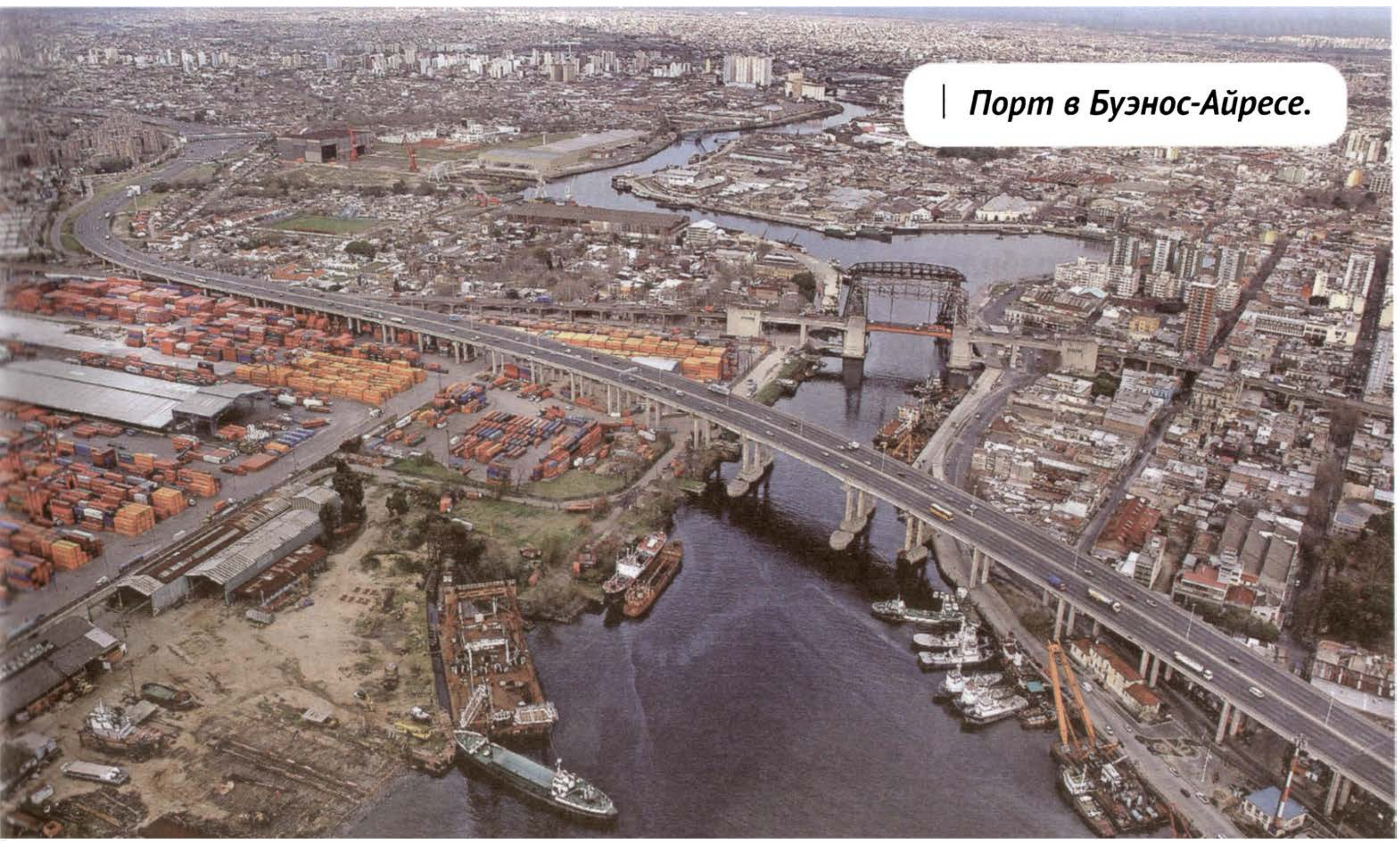

Буэнос-Айрес.

в архитектуре новой её столицы Рио-де-Жанейро утвердились принципы французского классицизма. Военные корабли здесь стоят посреди залива, напротив города, торговые же заходят за остров Крыс, за которым виднеется лес бесчисленных канатов и мачт. В западном направлении постепенно поднимаются горные цепи, высокие пики которых прячутся в облаках.

ста), а в долинах и между горами – заросли кофейных кустарников. Залив простирается с севера на юг на две мили, а на западе он занимает необозримое пространство; многочисленные острова образуют уютные бухты и бухточки. И порт здесь, пожалуй, самый красивый из всех портов мира – с установлением независимости Бразилии (1822)

11 апреля «Спэй» отправился обратно в Англию, а другой английский корабль – корвет «Спайдер», на борту которого теперь находился Домейко, отплыл в Буэнос-Айрес. Когда «Спайдер» подошёл к Буэнос-Айресу, от родного края Игната

Порт в Буэнос-Айресе.

Индейцы.

отделял весь огромный океан. Вечер был пасмурный, тёмный; южный ветер поднимал большие волны...

В конце апреля, когда в Кордильерах наступает зима, в любой день могла закрыться дорога через горы. Поговаривали о войне с Боливией, о революции и нападении индейцев, которые частенько грабили путешественников. И. Домейко после двухдневного отдыха в аргентинской столице двинулся в путь на запад через весь материк. Впереди простирались сотни километров пустынной степи, и не было иного способа передвижения, как только ехать верхом на конях, с почтой, вместе с курьерами. Времени на подготовку к дороге ушло немного: нужно было купить снаряжение и нанять прислужника-пеона. Рано утром тронулись в путь, и через пару миль глазам открылась неоглядная зелёная равнина. Игнат, житель холмов и рощ, смотрел на степь, и ему казалось, что тот необозримый океан, на который он любовался в предыдущие три месяца, вдруг заменило бескрайнее поле, а небо осталось прежним...

Вскоре путешественник увидел самое замечательное приручённое человеком четвероногое на равнинах Патагонии (часть Южной Америки, расположенная в Аргентине и Чили) – гуанако, или дикую ламу (заменяет в Южной Америке верблюда) – изящное животное с длинной, стройной шеей и тонкими ногами.

Дикие ламы.

Из Сан-Луиса, последнего городка на крайнем западе Патагонии, дорога пошла вверх по восточным, аргентинским предгорьям Кордильер. Впереди лежал Мендоса – город на границе с Чили, проводить до которого подрядился в Буэнос-Айресе прислужник-пеон. Отсюда через Кордильеры проходил тракт до столицы Чили Сантьяго. К счастью, в Мендосе Игнату на глаза попался ориер – человек, нанимавший лошадей и мулов для путешественников, который обязался провести его через Кордильеры за 21 пиастр (105 франков). Ориер любил выпить и приврать, но зорко оберегал вещи хозяина. Вся поклажа была уложена на двух мулов, и к вечеру путники тронулись. Ехали медленно и осторожно, Домейко и сам с удовольствием пересел на мула – домашнее животное, являющееся гибридом лошади (кобылы) и осла, отличающееся силой и выносливостью. Уже были видны заснеженные вершины Кордильер, а с западной стороны возвышалась величественная гора Кондор, когда Домейко впервые увидел самых крупных хищных птиц – кондоров, обитающих в Андах, настоящих исполинов с размахом крыльев до 3 метров; недаром кондор изображён на чилийском гербе.

Самое опасное время для путников – начало зимы, т.е. весь июнь и половина июля; случалось, что самые легкомысленные из них,

Величественный кондор летит над Андами.

Горная цепь Кордильеры.

захваченные в горах снегопадом, теряли дорогу и погибали в пропасти или умирали от холода и голода, навсегда похороненные под снегом. Вот и теперь холодный ветер кидал в глаза колючий снег. Силы оставляли путников, как вдруг шедший впереди ориер закричал: «La cima!» (На вершине!). Возглас пробудил у Домейко такие мысли: «Никакая буря в нашей Литве не может сравниться с этим адом, но я сейчас перешагну через самый великий на свете горный хребет». Ученый забыл об изнеможении. Он был счастлив. Он стоял на самой вершине Кордильер и радовался этой стихии... Глазам путешественников открылась величественная панорама – сплошная и необозримая цепь горных хребтов. Где-то там, далеко на севере берёт начало река Амазонка, а здесь совсем рядом возвышается гора Аконкагуа (6960 м). 20 мая группа наняла лошадей до Кильото – города на побережье Тихого океана. Было воскресенье, стояла хорошая погода, вокруг – весёлые люди и прекрасная

Вид на гору Аконкагуа высотой 6960 м.

долина Аконкагуа. Горы, окружавшие долину, были покрыты снегом, а внизу – апельсиновые деревья, виноград и огромные фиговые деревья с винными ягодами. Домейко удивлялся – снег в горах казался совсем близким, а здесь в долине невыносимый зной, как на родине в самый жаркий июльский день. С запада поднялся и опустился на нагорье густой туман – посланец Великого океана, окутавший гостя из далёкой Беларуси. Через 2 дня в полдень прибыли в Кильото. И, вспомнив Старый Свет, Европу, Игнат подумал: «Не может быть большего покоя и согласия, чем тут, за горами»...

После трёхдневного отдыха в Кильото геолог отправился в Кокимбо. Проехав пару миль, с высокой горы он впервые увидел необозримый Тихий океан – последний рубеж своего путешествия на запад. Далеко от берега резвился кит, над которым парили грифы. Заночевали путники на берегу. Отсюда дорога шла вдоль берега, заросшего кустами алоэ. 3 июня Домейко был уже в Кокимбо, а на следующий день в 20 милях от города случилось большое землетрясение.

Гриф в полёте.

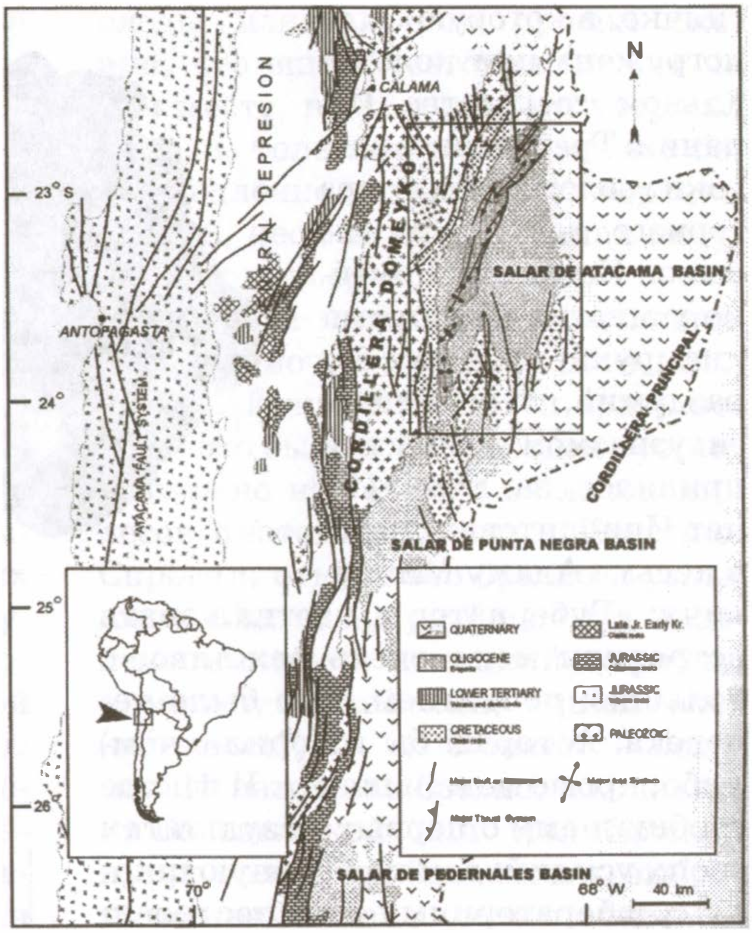

Чилийские Анды, являющиеся частью самой протяжённой горной цепи в мире.

Вулкан в Кордильерах.

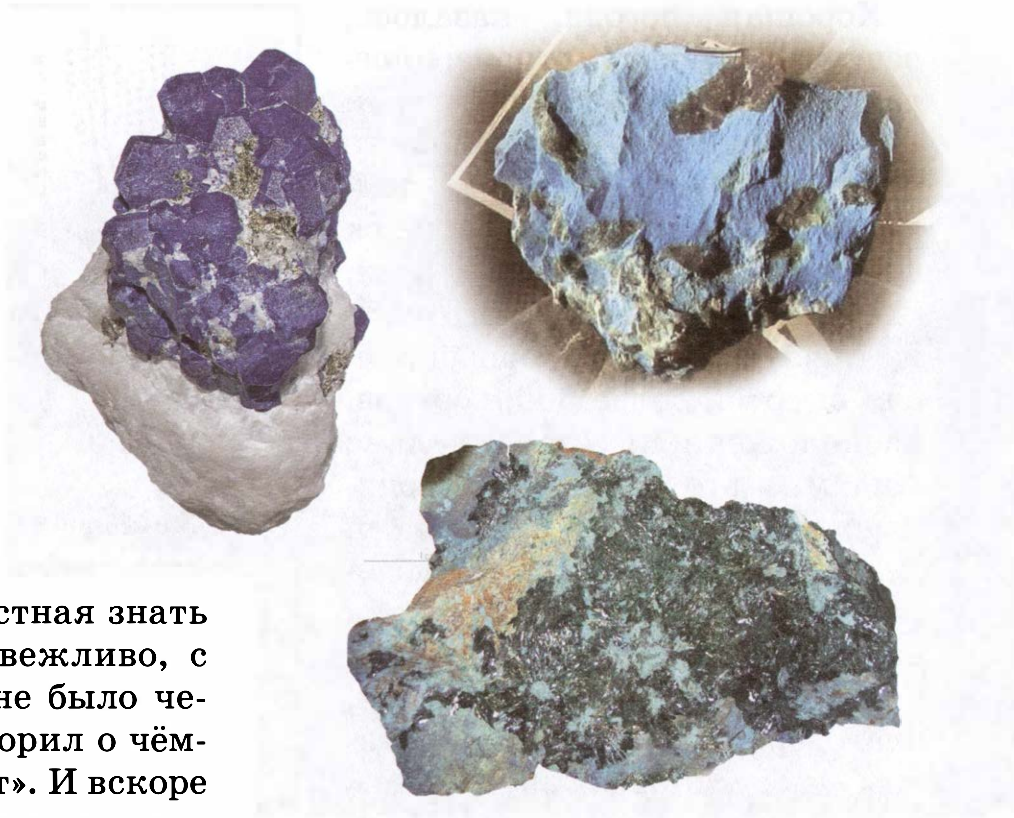
Хорошая погода, казалось, вечно царила в этой стране; иногда только слышался подземный гул с Кордильер, который часто являлся предвестником землетрясений и сопровождался криками испуганных жителей. Здесь вдоль берегов Тихого океана тянется ещё один горный массив высотой более 3000 метров, расположенный параллельно Андам, – это Береговые Кордильеры. Между этими хребтами лежат, как в колыбели, плодородные долины. Эта вытянутая на тысячи километров «колыбель», и правда, колышется, благодаря 20 активным вулканам, постоянным внутренним содроганиям земной коры. Можно сказать, что земля в Чили буквально дрожит под ногами. Безобидные землетрясения происходят часто, и к ним уже давно привыкли, но случались здесь и более серьёзные катастрофы, во время которых целые города превращались в руины. Нечто подобное произошло в Кокимбо по прибытии туда Домейко. Он тут же, по горячим следам, разложив перед собой мелкомасштабные тектонические карты Земли, установил – эпицентры землетрясений располагаются на глубине 100—300 км вдоль поверхности, погружающейся от Перуано-Чилийского глубоководного жёлоба со стороны Тихого океана под южноамериканский континент. Учёный написал об этом в европейские геологические журналы.

Хребет Кордильера-Домейко, расположенный на севере Чили, в Андах.

Подобная физико-географическая обстановка и геологические условия наводили на мысль о возможном местонахождении в недрах Чили многих полезных ископаемых – минерального сырья для горной промышленности. После беглого ознакомления со страной Домейко был поражён: здесь нет никаких учебных и, естественно, научных учреждений, уникальные природные богатства никто не изучал, а медные рудники ведут разработку наудачу. Республика, недавно ставшая независимой, всё ещё находилась в

спячке, в которую была погружена при колониальном господстве Испании. Требовались знатоки геологии и мастера горного дела, а их не было. На месте Домейко у многих бы опустились руки, но геолог без раздумий, с огромным энтузиазмом и энергией принялся за дело. Игнат Ипполитович писал в письме Адаму Мицкевичу: «Губернатор и местная знать встретили меня очень вежливо, с большим почтением и не было человека, который бы говорил о чём-либо, кроме меди и шахт». И вскоре сообщал ему о первых результатах своих усилий: дом под Горную школу с лабораториями уже построен; начал курс химии и минералогии; имею 20 с лишним учеников, все они слушают очень внимательно и каждый опыт настолько их увлекает, что они вне себя от радости. Так просто, без громких слов начал И. Домейко свою деятельность в этой стране. Он не только создал Горную школу в Кокимбо и систему обучения, основанную на виленских традициях, но и с первых дней своего пребывания в Чили интенсивно изучал геологию этой страны. Ежегодно в течение нескольких месяцев каникул в Горной школе профессор из Кокимбо превращался в путешественника. В чилийском одеянии – большой соломенной шляпе, в белом плаще «пончо», с геологическим молотком – он неутомимо странствовал по глухим тропам страны, вытянувшейся с севера до юга на 4270 км при наибольшей протяжённости с запада на восток в 100–300 км. В пути его сопровождали студенты, заботящиеся о навьюченных лошадях. Молодые студенты, как и весь чилийский народ, – потомки смешанных браков испанцев с индейцами – были способными учениками и выносливыми спутниками. Домейко, уже владевший тремя основными европейскими языками, легко освоил и испанский.

Недра Чили богаты минералами. Вверху слева – лазурит, вверху справа – алюмофармакосидерит, внизу – атакамит.

Однажды экспедиция профессора шла по ущелью, по дну которого когда-то протекала большая река; над скальными породами по откосам поднимались более молодые третичные отложения, «недавно» (25 миллионов лет назад) поднятые со дна океана, – бесспорное доказательство постоянного поднятия суши над уровнем моря. А когда въехали в балку песчаного плоскогорья, Домейко обратил внимание на 3 уровня отложений, резко выделявшихся на отвесных стенах огромными ступеньками, – «документы» геологических периодов допотопных земных катаклизмов той эпохи, которую геологи называют палеогеном. По краям этих отложений видны были пласты белых раковин, настолько хорошо сохранившихся, будто вчера их выбросили на берег морские волны. Это были следы изначального уровня океана, что ещё и сегодня шумит на том месте, на котором его удержал Творец, только суша и весь его берег медленно поднялись из морских глубин, неся на своих плечах могучие Кордильеры.

Халькопирит (устаревшее название медный колчедан).

Во дворе хижины, где остановились на ночлег, хозяин обтёсывал бревно. Игнат подошёл и сразу понял – это была сосна хорошего сорта, возможно из тех, что из литовских лесов плотогоны гонят в Пруссию. Спросил, откуда это бревно и услышал: «Год назад разбился тут недалеко какой-то немецкий корабль, а, может, английский, – quien sabe? (кто знает?)». – «Кто знает?, – подумал Игнат, – это бревно, возможно, из Беловежской или Налибокской пущи волей судьбы, как и я, выброшено в эту заморскую пустыню»...

Домейко был пионером, геологическим первопроходцем тихоокеанского побережья Южной Америки. В февральские и мартовские дни 1840 г. он с утра до поздней ночи ползал по извилистым подземным выработкам на медных рудниках Сан-Хуан, Эль-Ринкон, Лос-Оренилос, Эль-Эспаньол и Корисоль – самым богатым в то время месторождениям мира, где в кварцевых жилах медного колчедана содержалось до 30–40% меди (сейчас во многих странах мира добывают руду с содержанием 1–2%).

Учёный исходил страну вдоль и поперёк, 6 раз пересёк труднодоступные чилийские горы, с риском для жизни исследовал вулканы.

А. Кривенко. Портрет Игнатия Домейко.

Эти экспедиции дали ему богатый материал для лабораторных исследований и поисково-разведочных работ. Результатами изысканий геолог делился со своими бывшими профессорами из Горной академии в Париже, печатал их в парижском горно-геологическом ежегоднике «Annales des Mines». Они послужили основой для составленной Игнатом первой геологической карты Чили, позволившей открыть богатые залежи различных полезных ископаемых. Учёный открыл 7 новых видов минералов, один из них (промышленный), неизвестный ранее геологической науке, назван в его честь «домейкитом» – это соединение мышьяка с медью (арсенид меди).

Панорама современного Сантьяго на фоне Кордильер.

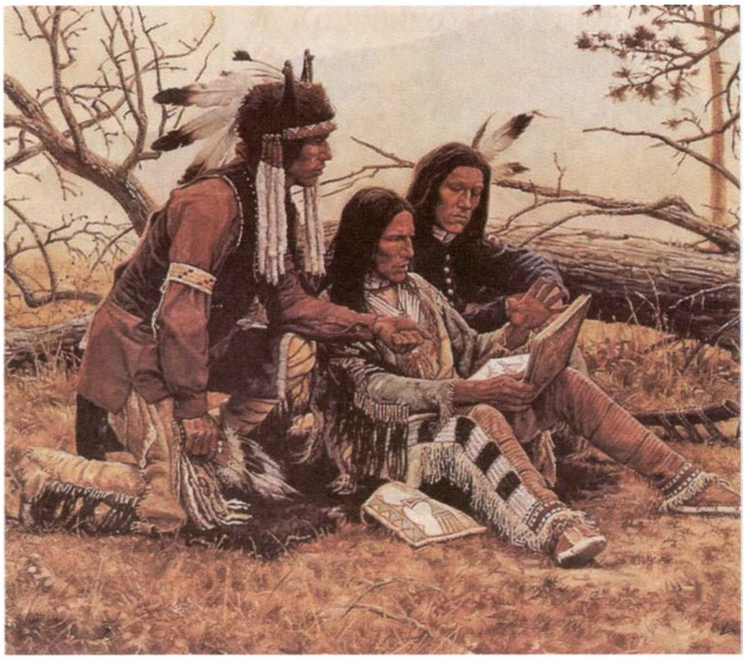

Домейкит.

Он стал учителем первых поколений чилийских учёных-геологов, заложил прочные научные основы эксплуатации природных богатств страны. Но и этого ему было мало. Узнав, что на юге Чили проживает свободолюбивый и не покорившийся властям индейский народ – арауканы, Домейко направился в Araуканию. Эмигранту освободительного восстания 1831 г. у себя на родине захотелось окунуться в мир свободных людей, понять их души и помыслы, заглянуть в их глаза и сердца.

23 декабря 1844 г. И. Домейко отправился в путь со своим учеником доном Мигуэлем на пароходе до Консепсьона, где ему дали переводчика, проводника, слугу-солдата, коней и двух мулиц. Геолог запасся провизией и накупил подарков для индейцев: бусы, колокольчики, красные и голубые платки, табак, краски индиго. 8 января 1845 г. путешественник двинулся дальше на юг. Разве не заслуживает внимания вольный, пусть и дикий край, который до сегодняшнего дня остался таким, каким был три века назад перед нападением на него конкистадоров, закованных в железо! Живая доколумбовая хроника? Если кому от тоски можно путешествовать для забавы по столицам цивилизованного мира, то не лучше ли узнать людей, которые от природной любви к родине, наполовину голые, с луком и дубиной противостояли испанской силе и сберегли то, что им передали их предки?

Когда вождю арауканов сказали, что профессор Домейко – изгнанник царя из далёкой европейской страны, ему были оказаны подобающие почести. На равнине были поставлены в строй, как бы для боя, несколько сотен конных индейцев. Из этой армады к Домейко аллюром помчались 2 всадника и, осадив за несколько шагов вспененных коней, мгновенно развернулись и повели экспедицию профессора на то место, где испокон веков стоял высокий крест. Как только подъехали к кресту, многосотенный отряд арауканов сначала шагом, потом трусцой и, наконец, галопом, как в атаку, помчался к кресту и трижды облетел его вокруг с криком, хлопая ладонями по губам для вибрации (чиботео – военный зов в честь важной особы). В третий раз они так летели один за другим, что образовали из

Индейцы арауканы.

своих чёрных пончо один непрерывный обруч, а кони животами чуть не касались земли. И в один миг стихли, остановились как вкопанные, образовав поодаль сплошной круг. Домейко с друзьями стояли посередине, возле креста. Индейцы один за другим подавали правую руку сначала Игнату Ипполитовичу, потом остальным гостям и, наконец, все встали в одну линию. Араукан на ломаном испанском спросил изгнанника царя: «Как называешься?», – тот ответил: «Ignacio», и услышал в ответ: «И я Ignacio», и, подъехав ближе, трижды обнял Игната – до правого плеча, до левого и снова до правого. Такое вот обычное радушие араукана: если он хочет кому-нибудь понравиться, то спрашивает его имя и говорит, что и его зовут так же, и это имя берёт себе навсегда. То же самое повторили ещё несколько индейцев, и кто знает, сколько таких «Ignacio» стало в Араукании после её посещения Игнатом Домейко...

На обратном пути, в окружении трёх сотен всадников Домейко мчался галопом по океанскому берегу, чтобы засветло перебраться через реку Буди. Вспененные волны разбивались о копыта коней, а арауканское «чиботео» не унималось. Если б мог видеть поэт Мицкевич из Парижа, как Игнат летит на коне, будто шальной, наперегонки с дьяволами-крикунами в чёрном облачении, перекрестился бы набожно. Добравшись до реки Крутес (не больше Вилии в Вилейке), Домейко пересел в большой чёлн и поплыл вниз по течению в г. Вальдивия на берегу Тихого океана; 9 марта он возвратился в Кокимбо, в свою Горную школу. По материалам своего путешествия на юг страны Домейко на одном дыхании написал замечательную книгу «Араукания и её жители» и издал её на испанском языке (Сантьяго, 1845). Позже она была переведена на многие европейские языки, а в Вильно в 1860 г. появился её польский перевод с испанского, сделанный в Париже Яном Замостовским.

В летние каникулы, как обычно, И. Домейко проводил геологические экспедиции. С неослабевающей энергией он открывал всё новые и новые рудные месторождения, растил чилийские кадры для их освоения, писал учебники (по физике, химии,

минералогии) и свой капитальный труд «Введение в естественные науки», возглавлял работы по организации в стране высшего образования и университета в Сантьяго. Ему предложили переехать в столицу Чили и занять кафедру химии в только что основанном его же стараниями столичном университете. Как учёный-геолог он приобрёл мировую известность и впоследствии благодарные чилийцы скажут – Домейко открыл наши сокровища и научил ими пользоваться.

Вместе с супругой.

Его и теперь, в начале 21 века, называют «отцом горного дела» Чили. Благодаря личному вкладу Домейко в Чили сейчас известны уникальные разведанные запасы селитры и серы, меди и молибдена, большие запасы железных, марганцевых, свинцово-цинковых руд, золота и серебра, нефти и газа, каменного и бурого угля. Благодаря Домейко с середины 19 в. горнодобывающая промышленность Чили стала основной отраслью экономики страны. И сейчас в Западном полушарии Чили – самый крупный в мире производитель меди, молибдена и селитры.

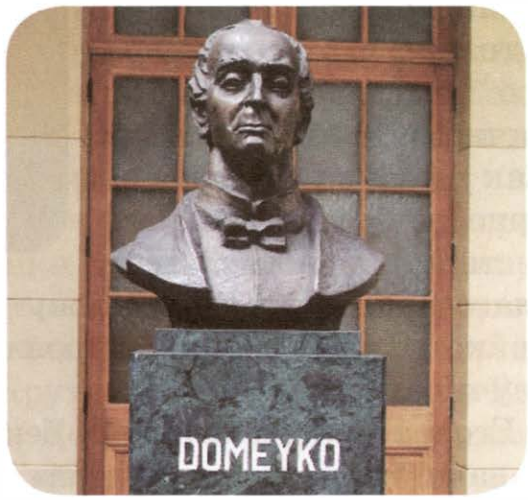
В окружении сыновей.

В 1866 г. геолог представлял республику Чили на Парижской всемирной выставке в качестве комиссара. Но съездить на родину ему не удалось – там ещё было свежо в

Чилийский государственный университет.

Бюст И. Домейко в университетских стенах.

памяти восстание 1863—1864 гг. и учёному попросту заморочили голову с визой. Петербургские чиновники уже прочитали его «Арауканию», изданную в Виленской типографии Юзефа Завадского, и знали, что собой представляет этот учёный-геолог с мировым именем.

По возвращении из Франции И. Домейко был избран ректором столичного университета в Сантьяго. На этом посту он находился до 1883 г. (переизбирался 4 раза). В 1869 г. широко отмечалось 30-летие его деятельности в Чили: он был назван «Почётным чилийцем», был издан специальный прекрасно оформленный сборник трудов «Первого геолога» Чили, выпущена памятная медаль, ему была назначена самая большая пенсия в стране – 6000 песо в год.

Высшая Горная школа, переведённая из Кокимбо в Сантьяго (с геологическим, минералогическим и палеонтологическим кабинетами), большой Ботанический сад, множество начальных школ, около десятка типографий, четыре ежедневные газеты и около 20 периодических журналов – во всём этом лично участвовал Домейко. Кроме того, он ввёл в стране метрическую (европейскую) систему измерения, создал этнографическектй музей, геодезическую сеть и многое другое.

...17 мая 1838 г. на рассвете шёл густой снег и дул холодный ветер; измученный дорогой верхом на конях по степи через всю Патагонию, в сером эмигрантском плаще, озябший и без денег, спускался Игнат Домейко с высоких хребтов Кордильер. Таким был приезд гео-

лога в Чили. 23 мая 1884 г. в прекрасной 150-тысячной столице свободной Чили – почёт друзей и всех граждан. Депутаты и сенаторы республики, университетская молодёжь, сам премьер-министр и министры провожают его в далёкий путь. Громкие возгласы «Viva! Viva!». Оркестр играет чилийский национальный гимн. Со слезами на глазах и беспокойным сердцем сошли Домейко и двое его сыновей в каюту парохода «Британия», они отправлялись на Родину! Спустя 46 лет, проехав Париж, Краков и Варшаву, учёный наконец-то навестил свою Беларусь. За плечами более 50 лет изгнания, тоски по родине и беспрерывного труда на пользу другой страны – Чили. Труда, который принёс ему мировую известность.

TERCER APENDICE

MINERALOJIA

SANTIAGO DE CHILE

ESTUDIO

LAS AGUAS MINERALES

DE CHILE

DON IGNACIO DOMEYKO,

Santiago

Некоторые из работ И. Домейко.

Домейко осуществил путешествие в Италию, посетил Константинополь, Палестину, Египет. На родине летом 1888 г. он написал свою последнюю и весьма интересную книгу «Мои путешествия. Воспоминания изгнанника», а... в ноябре решил вернуться в Чили – страну, которая стала его второй родиной. Вернулся, предчувствуя свой близкий конец, и через два месяца шагнул в бессмертие...

И. Домейко на склоне лет.

Благодарные чилийцы по достоинству увековечили память о И.И. Домейко. Его именем названы города в районе Кокимбо-Домейко и на юге страны в Араукании (Пуэрто-Домейко), цепи Кордильер

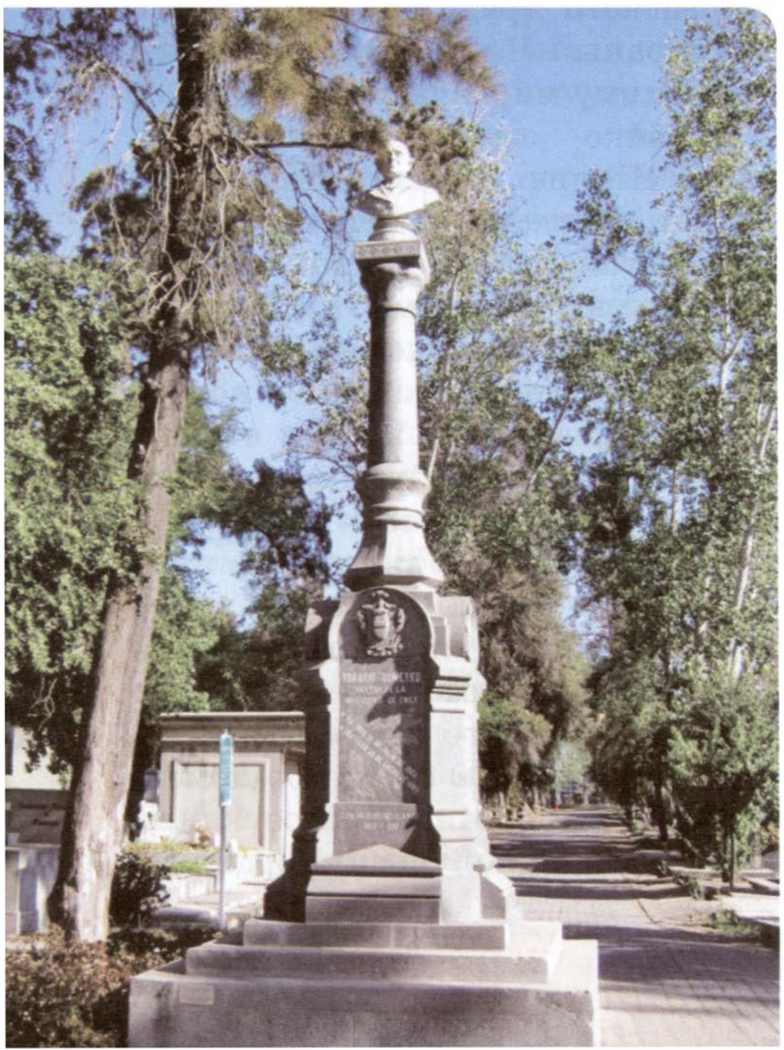
Национальная библиотека в Сантьяго, носящая имя И. Домейко.

длиной 1000 км – Кордильера Домейко, Национальная библиотека и университет в столице Чили. В столице страны Сантьяго учёному установлен памятник, изданы его научные труды в 5 томах. Игнат Ипполитович провозглашён народным героем Чили. Так в далекой южноамериканской стране чтят память уроженца Беларуси – выдающегося учёного-естествоиспытателя мирового масштаба.

Чилийский поэт, дипломат и политический деятель Пабло Неруда в 1953 г. на Всемирном конгрессе культуры в Сантьяго сказал: «Представьте себе, какую положительную роль сыграл Домейко в нашей стране. Подумать только, как многим мы ему обязаны... все... вся горная промышленность... организация среднего и высшего образования... Прекрасный был старик».

День похорон великого учёного был объявлен в Чили днём национального траура, на его могиле был поставлен мраморный обелиск с лаконичной надписью на испанском языке «Великий Просветитель». Имя Домейко ныне по праву принадлежит одновременно народам двух стран – Беларуси и Чили.

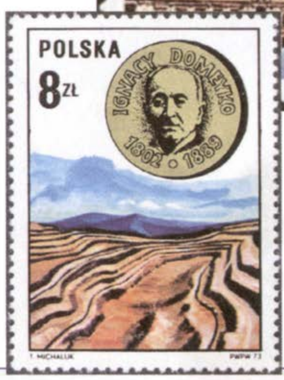

Могила И. Домейко в Чили.

Монеты (слева направо): 2 злотых 2002 года, 10 злотых 2007 года (Республика Польша) и 20 рублей 2002 года (Республика Беларусь) с изображением учёного.

Почтовые марки и конверт, посвящённые исследователю.

Музей и памятная доска в д. Медведка Кореличского района.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

История для школьников

Ермоленко Валерий Александрович

Первопроходцы дальних берегов

Уроженцы Беларуси в географических открытиях

Ответственный за выпуск Л.В. Языкович
Редактор Ю.В. Баженов

Художественное оформление
и компьютерная вёрстка: Д.В. Гореликов

Подписано в печать 23.11.2015.
Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 6,50.
Тираж 1500 экз. Заказ 341.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусская Энциклопедия имени Петруся Бровки»
Министерства информации Республики Беларусь.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/1 от 08.07.2013.
Пер. Калинина, 16, 220012, г. Минск, Республика Беларусь.

ОАО «Брестская типография».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/59 от 19.03.2014.
Пр-т Машерова, 75, 224013, г. Брест, Республика Беларусь.

ISBN 978-985-11-0887-5